

Проект
«Тайная фантастика»
и писатель Артем Бук
представляют

Сборник
научно-фантастических
рассказов лауреатов
литературных конкурсов

БУДУЩЕЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Артем Бук

Будущее человечества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35482512

ISBN 9785449311979

Аннотация

Что ждет человечество в будущем? Апокалипсис и вырождение, торжество виртуальной реальности? А может быть, полеты в космос, мир всеобщего счастья и благоденствия? Семнадцать современных писателей-фантастов поделятся своим видением того, куда движется цивилизация. В сборнике представлены лучшие работы, участвовавшие в проведенном в 2018 году конкурсе рассказов «Будущее человечества».

Содержание

ДОЧЬ	5
КОШАЧЬЯ РАБОТА	31
СНЕЖИНКИ	42
НА МАРС!	68
СЕЛЕКЦИЯ	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Будущее человечества

Редактор Артем Бук

Дизайнер обложки Ольга Харитонова

© Ольга Харитонова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-1197-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОЧЬ

Михаил Закавряшин

Главное, за что Санти не любил орбитальные станции, – это поганая кухня. Никакие специи не могли перебить искусственный запах, которыми пропитывались продукты за время транспортировки. Любая стряпня оставляла на языке привкус металла и пластика, и этот вкус напоминал Санти о детстве, и о долгих перелетах к дедушке за океан. Он помнил, как стюардессы, одетые в красную униформу, катили по проходу тележку, и как улыбались ему, вручая горячую касалетку. Санти с нетерпением срывал крышку с алюминиевого контейнера, но внутри его ждала лишь позеленевшая от высоты картошка, а рядом такая же зеленая курица и водянистые овощи. Санти всегда расстраивался. Он не мог понять, почему люди, сумевшие создать самолёты, не смогли придумать вкусную самолётную еду...

Теперь Санти знал, что такова цена безопасности. Упаковка должна быть стерильной и герметичной, если продукты хранятся в пространстве с искусственной вентиляцией. И хоть эпоха «Боингов» осталась далеко в прошлом, еда с тех времён стала только хуже.

Санти вспомнил об этом, когда вдруг заметил, что пикадилья, которую он уже полчаса ковырял вилкой, не имеет

запаха пластика. Мясо, перемешанное с изюмом и овощам, было отвратительным, но лишь потому, что хозяин сэкономил на вине, в котором тушилось блюдо. В остальном же – никаких синтетических привкусов. В очередной раз Санти убедился, что на «Крылатой обезьяне» царствовало разгильдяйство.

«Впрочем, – подумал пилот, – местные называют это свободой».

В ресторанном зале играла музыка – не слишком громко, но достаточно для того, чтобы контрабандисты, пившие ром за дальним столиком, могли разговаривать в полный голос, не боясь быть услышанными. Кроме них, в зале находились лишь одиноко обедавшие торговцы, и, судя по их остекленевшим глазам, все они листали ленты виртуальных экранов.

Санти последовал дурному примеру. Взглянув на часы и убедившись, что корабль опаздывает, он отдал мысленную команду:

«Протокол семь. Транспорт. Специальный доступ. Санти Рафаэль».

Перед глазами пилота замерцал бледно-голубой экран.

– С возвращением, отец Санти, – поприветствовал женский голос, заговоривший в мыслях пилота. – Подтвердите доступ к протоколу «Транспорт».

«Пути неисповедимы».

– Пароль принят. Маршруты кораблей к вашим услугам. Что желаете узнать?

«Отключить вербальную помощь», – приказал пилот, и женский голос исчез. Санти пробежался глазами по мерцавшему в воздухе дисплею, и, не найдя нужный корабль, спросил:

«Почему „Апостол-13“ отсутствует в списках?».

Молчание.

«А, твою мать... Включить вербальную помощь».

– Чем могу помочь, отец Санти?

«Где находится „Апостол-13“? Я не вижу его в системе».

– Выполняю поиск... Запрос выполнен. «Апостол-13» находится на орбите Цереры. Ориентировочное время прибытия на торговую станцию «Крылатая обезьяна» – четыре часа тридцать две минуты.

Пилот ещё раз прокрутил список, вчитываясь в каждую строчку. Затем открыл карту системы, и попытался найти корабль вручную.

«Здесь какая-то ошибка... „Апостол-13“ не отображается».

– Ориентировочное время прибытия...

«Покажи на карте».

– Выполняю поиск... Запрос выполнен.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем экран погас.

«Что за чёрт...»

Дисплей вновь загорелся, но стал беспокойно мерцать, словно забарахлил из-за перебоев с электричеством. Разу-

меется, никаких перебоев быть не могло. Интегрированный накопитель питался напрямую от мозга Санти.

– С возвращением, отец Санти. Подтвердите доступ к протоколу «Транспорт».

«Я же подтвердил».

– С возвращением, отец Санти. Подтвердите доступ...

«Пути неисповедимы».

– Пароль принят. Маршруты кораблей...

«Отключить вербальную помощь».

Пилот беспокойно застучал пальцами по столику. Сердцебиение участилось, ладони вдруг стали скользкими.

«Что за чертовщина», – подумал пилот. И тут же себя успокоил.

Нет, конечно, с кораблем всё в порядке. Это ведь «Апостол». Ему не нужен человек, судно и само прекрасно позаботится о себе в космосе. Санти больше волновало, какого дьявола происходит с виртуальным экраном. Упали сервера на Земле? Вспышки на солнце? Или случилось что-то ещё?

– Не желаете выпить?

Санти вздрогнул. Из-за горевшего перед глазами экрана он не заметил, как к столику подошел сотрудник станции. Санти выключил дисплей и взглянул на собеседника. Им оказался мужчина в серебристом костюме. Волосы сотрудника были выкрашены в такой же серебряный цвет.

– Ром, виски или, может быть, водки? А может, вы предпочитаете коктейли? Жозефина мастерски поджигает

«Б-52», не хотите испробовать?

Санги помолчал несколько секунд, а когда понял, что не ослышался, переспросил:

– Поджигает? Серьёзно? Вы доверяете макаке спички? На орбитальной станции?

– Обижаете, сэр. Жози – не просто животное. Она обладает интеллектом.

Санги усмехнулся и взглянул в сторону барной стойки. Хозяин станции определенно имел чувство юмора. Над стаканами, хлопая перепончатыми крыльями, летала генно-модифицированная обезьяна с бутылкой виски в руке. Она ловко управлялась с шейкером, помогала себе хвостом, и что-то громко пищала, когда подавала посетителям напитки.

– Интеллект – это не дрессировка, – сказал Санги. – Есть большая разница между способностью запомнить последовательность действий, и тем, чтобы эту последовательность изобрести.

– Она создает новые коктейли, сэр.

– Да неужели?

– Клянусь.

– И каким же образом?

– Сэр Гордон, хозяин станции, – большой выдумщик. Он живил ей накопитель. Вы не поверите, но после подключения к Сети, способности Жози возросли в разы!

– Видимо, сэр Гордон не испытывает проблем с валютой, раз может покупать такую роскошь для домашних питом-

цев, – Санти задумался на секунду. – А знаете, я, пожалуй, выпью. Но только если вы составите мне компанию.

– С удовольствием, – улыбнулся сотрудник, присаживаясь за столик. – Простите, совсем забыл представиться. Меня зовут Маркус. Старший помощник по ивент-вопросам.

Они пожали руки.

– Санти Рафаэль. Пилот.

– Очень приятно. Что будете пить?

– Тёмный ром.

– Я, пожалуй, разделю ваш выбор. Жози! Два Carta Negra!

К удивлению Санти, обезьяна поняла человеческую речь и безошибочно потянулась к нужной бутылке. Через минуту на столике стояли два бокала с тёмным пахнущим шоколадом напитком. Ещё больше пилот поразился, когда крылатая обезьяна прямо перед ним порезала апельсин на дольки и посыпала их корицей.

– Это... действительно впечатляет.

– Я вам говорю! Удивительная животина, учится с каждым днём! Спасибо, Жози. Можешь лететь.

Пока Санти задумчиво смотрел вслед улетающей макаке, старпом залпом опустошил бокал и закусил апельсином, с чувством причмокнув губами.

– Разрешите нескромный вопрос, господин Санти.

– Дерзайте.

– Это ваш бриг зашёл сегодня утром? Белый. С парными ускорителями.

– «Алатус»? Да, мой.

– Красавец, а не корабль, – одобрительно цыкнул старший помощник и закивал головой. – Эксклюзивная модель?

– На торгах вы вряд ли такой найдёте, – Санти вежливо улыбнулся и тут же перевел тему. – И давно у Жозефины успехи в развитии?

– Честно говоря, нет. Накопитель ей подключили месяца три назад, но изменений не было никаких, и тогда сэр Гордон немного покопался в её настройках. Сначала она научилась скачивать из Сети рецепты. А две недели назад! Господи, видели бы вы наши лица, когда утром мы обнаружили Жози перед открытыми бутылками. Она пробовала напитки на вкус, представляете? Пробовала, думала и спустя некоторое время творила прямо у нас на глазах!

– Отлично, мать твою. Просто прекрасно...

– Что, простите?

– Мария заболела как раз в эти дни, верно?

У старшего помощника вытянулось лицо. Он испуганно оглянулся, потом зачем-то посмотрел под стол, и лишь затем наклонился к Санти и совершенно иным огрубевшим голосом произнес:

– Откуда ты вынюхал, сукин сын?

От напускной вежливости старпома не осталось и следа.

– Откуда? – повторил он. – Откуда тебе известно про Мари?

– Космос нашептал, – ничуть не смутился Санти.

– Завязывай это. Слышишь? Завязывай! – голос старпома сорвался на фальцет. – К чёрту тебя! Не хочу знать, кто ты, и что тут делаешь. Плевать, откуда знаешь про Мари. Но вот, что я скажу тебе, мальчик. Через пару часов на станцию придут люди из «Ватикана». Понял? Из «Ватикана»! Они уже где-то на подлёте. И ты тут на хрен не сдался! Слышал меня? Проваливай, и чтобы духу твоего здесь не было!

Видимо, кто-то из компании за дальним столиком услышал вскрик Маркуса, поскольку мужчины вдруг обернулись и стали перешептываться между собой. «Точно контрабандисты», – подумал Санти. Впрочем, он не сомневался в этом с самого начала. В отличие от остальных, эти ребята не использовали виртуальную связь. Асимметричному шифрованию они предпочли более надёжный способ коммуникации. Живое общение. Единственный канал, который ещё невозможно отследить.

На часах замигал индикатор. Санти на секунду включил виртуальный дисплей.

– С возвращением, отец Санти. «Апостол-13» готов приступить к стыковке. Ожидается разрешение.

Вот и корабль нашелся.

«Стыковку разрешаю».

– Разрешение получено. Начинаем процедуру стыковки.

Санти вернулся к старпому. Тот раздувался от гнева, и так сильно сжимал стакан, что царапал им стол.

– А теперь успокойся, Маркус, – сказал Санти. – Успокой-

ся и запоминай схему. Я спрашиваю, ты отвечаешь. Всё ясно?

– Ты...

– Заткнись, старпом. Заткнись и взгляни сюда.

Санти расстегнул молнию на куртке и указал на внутренний карман. На нём был вышит герб. Два скрещенных ключа, алый шнур и тиара.

– Я и есть «Ватикан», – произнес отец Санти. – А теперь, будь добр, закрой рот, и отвечай на мои вопросы. У нас есть два часа до полной стыковки «Апостола».

О том, что сэр Гордон не имел привычки считать деньги, Санти понял ещё в ресторане. И всё же, войдя в кабинет хозяина станции, он не смог сдержать восхищенного вздоха.

Первое, что бросалось в глаза, – это панорамный иллюминатор с видом на открытый космос. Большую часть, правда, перекрывал гигантский «Апостол», пришвартованный к станции, но и того, что оставалось доступным для взгляда, было достаточно, чтобы надолго потеряться в пространстве-времени и стоять, словно статуя, всматриваясь в бесконечность. При желании можно было даже различить далёкие огни Цереры во мраке. Да и корабль «Ватикана» выглядел особенно величественно на фоне густой и бескрайней тьмы. Межпланетный лайнер был в полтора раза больше «Крыла-

той обезьяны», и потому дрейфовал на некотором отдалении, соединяясь со станцией эластичными трапами.

Кроме панорамного окна, Санти оценил и камин. Включенную голограмму огня он на секунду принял за настоящее пламя – настолько правдоподобна была имитация. Иллюзию выдало лишь отсутствие дыма.

Напротив камина стояли кожаные кресла. Усевшись в одно из них, Санти отказался от предложенного хозяином виски и сразу перешёл к делу.

– Итак, сэр Гордон, имя моё вы знаете. О нашей корпорации и ценах вам также известно, и, как я понимаю, вы согласны с условиями договора?

– Да, конечно, – закивал старик. – Я дам любые деньги, только помогите ей.

– Деньги не главное, – сказал Санти. – Речь идёт о том, что мы не даём стопроцентных гарантий. Более того, всё может закончиться плачевно для здоровья Мари. Но одновременно с этим хочу предупредить, что без помощи ваша дочь рано или поздно умрёт.

Сэр Гордон вздрогнул. Трясущимися руками он налил себе полстакана виски и выпил залпом.

– Я готов подписать все бумаги. Давайте. Где нужно расписаться?

– Для начала необходимо подписать договор о неразглашении. Поймите, мы не можем предавать огласке...

– Давайте, – перебил сэр Гордон. – Здесь?

Хозяин станции расписался, не читая.

– Прекрасно, – кивнул Санти. – Просто прекрасно. Предупреждаю, что всё, что вам станет известно с этой минуты, не должно покинуть стен кабинета. Понимаете?

– Да, конечно.

– В таком случае, для начала ответьте на пару вопросов. Когда Мари сделали интеграцию накопителя?

– Где-то полгода назад. Это был подарок на её совершеннолетие. Она так радовалась... Она... У вас есть дети, мистер Рафаэль?

– Зовите меня просто Санти. Да, сэр, в каком-то смысле у меня есть дочь.

– В каком-то смысле? То есть...

– Тяжело объяснить.

– Понимаю... – закивал хозяин. – Мари... Она – моя единственная дочь. Если у вас и вправду есть дочь, Санти, тогда вы понимаете, почему я позвал вас, несмотря на... – сэр Гордон на секунду смутился. – Простите, не хочу вас обидеть... Но ваша компания... как бы мягче сказать...

– Не вызывает восторга у населения, – кивнул Санти. – Спасибо, я в курсе. Значит, полгода. А когда начались первые странности?

– Примерно с месяц назад, – хозяин станции сел в соседнее кресло. – Сначала я не придавал этому значения... Понимаете, Санти, в чём дело. Мари не так уж часто гостит у меня здесь. Она привыкла жить на планете. Земная девочка. По-

этому я и не забил тревогу, списал всё на непривычку проживания в космосе. Я помню, как она говорила за ужином, что ей стало тяжело спать. Ей постоянно казалось, что в комнате кто-то есть. Она слышала странные звуки, шорохи, скрипы. Я говорил ей, что это просто метеоры стучат по обшивке.

– Что было потом?

– Потом... Потом она стала путаться. Мари начала видеть и чувствовать вещи, которые происходили с ней когда-то в прошлом. Я помню, мы ели жареную форель, и Мари сказала, что рыба на вкус, как фисташковое мороженное. Знаете, Санти, в детстве я водил Мари в парк. Она всегда покупала фисташковое мороженное. И тут... Её воспоминания, они как будто ожили. Она отрезала кусочки рыбы, вытаскивала косточки и думала, что ест фисташковое мороженное, понимаете?

– Дальше.

– Потом она закричала. Примерно две недели назад, да, где-то так... Я проснулся оттого, что услышал дикий крик. Господи, я никогда не слышал, чтобы человек так кричал. Я сразу понял, что это Мари. Я думал, её убивают. Знаете, Санти, это было самое странное, что я видел в жизни. Она сидела на кровати, прикрывшись одеялом, и была совершенно спокойна. Она не билась в истерике, не пыталась спрятаться – она просто сидела на кровати, словно задумавшись о чём-то, но при этом открывала рот и кричала на всю станцию. Я не знаю... это было похоже, будто...

– Будто она изучала свой крик? – подсказал Санти.

– Да! Именно! Я взял её за руку. Спросил, что случилось.

Но Мари лишь повернулась, и сказала, что всё в порядке. Тогда я и понял. Это не моя дочь. Со мной говорил кто-то внутри неё – кто угодно, но не Мари, нет, не она.

– Откуда такая уверенность?

– Понимаете, Мари никогда не сказала бы «всё в порядке». Ей не нравилось это выражение. Она была странной девочкой, со своими взглядами. Помню, как она говорила, что попытки упорядочить мир – это дорога в никуда, и что только хаос может рождать что-то новое, что порядок убивает творчество... Ну и всё такое, понимаете? Раньше я не обращал на это внимания, но я точно помнил, что Мари никогда не говорила «всё в порядке». Из принципа, понимаете? А тут она поворачивается и выдаёт: «Всё в порядке, пап. Иди спать. Я просто видела страшные картинки». Я спрашиваю: «Что? Какие картинки?». А она говорит: «Те, которые видишь, когда закрываешь глаза». Это она так про сны, понимаете?

Санти кивнул. Сомнений не оставалось. Это было то, ради чего он и летел сюда. Теперь нужно лишь выяснить, откуда пришла атака.

– Накопитель вашей дочери был подключен к Сети?

– Да, – кивнул сэр Гордон. – Но у неё стояла лучшая защита, никаких уязвимостей, – хозяин станции вскинул брови. – Подождите, а при чём тут это? Её накопитель работает

исправно.

Санти пропустил вопрос.

– У вас на станции есть локальная сеть, – сказал он. – Ваша дочь подключалась к ней?

– Да... Наверное, да. Скорее всего.

– Параметры безопасности те же?

– Я не знаю... Обычно Мари сама настраивала протоколы. Она была способной девочкой.

– Локальная сеть имеет связь с Сетью системы?

Хозяин станции отвёл взгляд.

– Сэр Гордон...

– Это же запрещено.

– Я знаю, что запрещено. Поэтому и спрашиваю. Локальная сеть имеет связь с Сетью системы?

Старик вновь не ответил. Трясущейся ладонью он поднёс стакан ко рту, но так и не отпил.

– Ясно, – кивнул Санти. – Вот почему «Обезьяну» облюбовали контрабандисты. Вы предоставляете им анонимный доступ к сети, используя возможности шифрования станции. Наверное, прибыльный бизнес?

– Я... – глаза старика забегали. – Санти, может мы...

– С этим разберемся позже. Накопитель обезьянки тоже подключался к локалке?

– Вы про Жозефину? Да. Мы хотели сначала опробовать, прежде чем...

– Сегодня утром, – вновь не дал договорить Санти, – я

проверил настройки безопасности местной сети. Честно говоря, я удивлен, почему «Крылатая обезьяна» до сих пор не рухнула на Цереру. Ваши протоколы может взломать любой школьник.

– Понимаете, я не силен в этом... Я просто заплатил, а настройками занимались люди.

– Не важно. Какая теперь разница. Рапорт в «Ватикан» о нарушении вами кибернетической безопасности я уже вывел. Уязвимости мною устранены. Дело осталось за малым. Вылечить вашу дочь.

– Скажите, что с ней? – по виду сэра Гордона было ясно, что ему плевать на ожидавшие его многомиллионные штрафы. – Вы ведь читали письмо? Мне пришлось привязать дочь к кровати, потому что она стала резать себе руки. Она делает это с таким же видом, что и той ночью. Санти... На ней живого места не осталось.

– Она изучает боль.

– Что? О чём вы?

– Вы что-нибудь слышали о S.A.T.A.N.?

– О боже, – схватился за сердце Гордон. – Я догадывался... да... Вы ведь говорите о дьяволе? В мою девочку вселился демон? Я догадывался... Я догадывался, сэр.

Санти покачал головой. Вновь и вновь он удивлялся тому, как глубоко средневековые мифы пустили корни в человеческое бессознательное.

– Сэр Гордон, вы казались мне более рациональным че-

ловеком. Возьмите себя в руки! Нет никакого дьявола, кроме того, что мы создали сами. Никакой демон в вашу дочь не вселялся. Хотя аналогия, конечно, очень точная. В каком-то смысле это и вправду можно назвать демоном – частичкой великого зла. Посланцем и искушителем, если хотите. Но всё же, мы живём с вами в двадцать втором столетии, поэтому давайте называть вещи своими именами. Ваша дочь заражена вирусом.

– Вирусом? Она больна?

– Смотря, что вы понимаете под болезнью. В накопитель вашей дочери попал компьютерный вирус, но главная проблема не в этом. Вирус перестраивает её нейронные цепи.

– То есть... её мозг? Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что теперь это не её мозг. По крайней мере, на данный момент. Ваша дочь поражена вирусом, созданным искусственным интеллектом, и поэтому, я спрашиваю вас снова. Что вам известно о проекте S.A.T.A.N.?

– Это же нейросеть, если не ошибаюсь? Лет двадцать назад было на слуху, а потом как-то утихло. Я ведь о том думаю?

– Вот видите, вы всё прекрасно знаете. А говорите о каком-то дьяволе. Да, всё верно. Substantive Automatic-Trained Artificial Network. Сокращенно – S.A.T.A.N. Не знаю, о чем думали отцы-основатели, когда давали проекту такое название, но, как говорится, как корабль назовёшь... Послушайте, сэр Гордон. Информацию, которую я вам сейчас предо-

ставлю, вы не имеете права разглашать третьим лицам. Это совершенно секретно. Я посвящаю вас в курс дела лишь потому, что для процедуры экзорцизма необходимо ваше согласие.

– Не совсем понимаю, но да... Конечно. Я клянусь. Я же подписал договор.

– Прекрасно. Тогда слушайте, сэр Гордон. Вы правы, S.A.T.A.N. – это нейросеть. Её создали восемнадцать лет назад. Когда-то такой проект мог показаться фантастикой, но в один прекрасный день нам удалось... кхм... – Санти осёкся и тут же продолжил, как ни в чём не бывало: – человечеству удалось создать настоящий искусственный интеллект – существо, склонное и способное к познанию, анализирующее информацию, выстраивающее и корректирующее собственные нейронные связи, и самое главное, сумевшее осознать само себя. До сих пор неизвестно, каким образом S.A.T.A.N. нашла выход в Сеть, но в тот день, мы потеряли над ней контроль. Её разум больше не был связан отдельными серверами, ведь она могла жить одновременно везде и нигде. Это трудно объяснить, но, если говорить совсем просто: S.A.T.A.N. стала чем-то вроде души всеобщей Сети. Вам ведь известно, что Сеть системы выросла из Интернета? До определенного момента она, по сути, им и осталась, это была лишь паутина соединений между разумными существами. Но с приходом S.A.T.A.N. всё изменилось. Сеть сама стала разумным существом. А если точнее, разум

поселился внутри неё. Тёмная сторона – неуловимая, потусторонняя, которую нам биологическим видам невозможно понять, не используя язык математики.

Санти отвлекся. Посмотрел в иллюминатор. На секунду ему показалось, что на «Апостоле-13» заморгали бортовые огни.

«Наверное, блики играют на обшивке», – подумал пилот.

– Так вот, – продолжил Санти. – Наша корпорация всегда занималась проблемами кибербезопасности. Чистота, правила и всё такое, вы в курсе. Разумеется, проблема ожившей нейросети не могла пройти мимо нас, особенно учитывая тот факт, что S.A.T.A.N. начала вести себя довольно агрессивно. В один день несколько суперкомпьютеров Земли вышли из строя, и пока мы пытались выяснить корень проблемы, S.A.T.A.N. использовала их возможности для самообучения. Затем под удар попали сервера корпораций. К счастью, их нам удалось отстоять. Тогда казалось, что мы переломили ход битвы – казалось, нейросеть больше не способна нас удивить, и рано или поздно нам удастся вытащить её из всемирной паутины. И всё шло хорошо до тех пор, пока в Бюро патентов не появилась запись №6006006. «Бионакопитель для интеграции в человеческий мозг».

– Так вот почему «Ватикан» был против! Я помню эту шумиху.

– Именно так, сэр Гордон. Пришлось подключить даже религию. Однако прогресс не остановить, и результаты вам хо-

рошо известны. Это был новый вызов. Мы ждали... Мы долго ждали, и даже в какой-то момент поверили, что всё обойдётся. Но неизбежное имеет свойство случаться... Первый зарегистрированный акт «одержимости» произошёл три года назад. Первое успешное изгнание лишь спустя два с половиной года. Поймите, сэр Гордон, – человеческий мозг гораздо сложнее, чем любой из созданных нами компьютеров. Поэтому и статистика не самая обнадеживающая. Из девятнадцати одержимых нам удалось спасти лишь троих.

– Господи...

– Есть и хорошие новости. Эти трое были последними, что говорит о том, что мы всё-таки сумели настроить алгоритмы. Однако поймите, сэр Гордон. Мы не даём стопроцентных гарантий.

– Да... да. Теперь я понимаю... Боже. Но разве это возможно?

– Что именно?

– Вернуть ей мозг! Ведь получается, эта дьявольщина убила мою девочку! Изменила её личность!

– Взгляните в окно, сэр Гордон, – спокойно ответил Санти. – Видите? Это «Апостол-13». Почти весь корабль занимает квантовый суперкомпьютер, и именно его мы подключим к вашей дочери, после чего начнём процедуру изгнания. Если вам будет легче, то именно «тринадцатый» сумел изгнать S.A.T.A.N. из тех трёх спасённых.

Не похоже, что слова Санти успокоили хозяина станции,

поскольку тот отставил стакан в сторону и начал пить из бутылки.

– А если нет? М? Скажи, как есть, Санти.

– Вы даёте разрешение на процедуру?

– А что, у меня есть выбор? Конечно, даю. Ты только скажи, если у тебя не получится, что тогда?

Пилот встал и направился к выходу. Взглянув ещё раз на пришвартованный «Апостол-13», он ответил:

– В таком случае ваша дочь, скорее всего, умрёт.

В спальне Мари было темно и пахло застоявшимся воздухом. Девушка лежала на спине, привязанная к кровати тремя полипропиленовыми шнурами, и её запястья, выглядывавшие из-под одеяла, были перемотаны бинтами.

Санти подошёл ближе. Откинул одеяло и взглянул на исхудавшее тело.

«Совсем ребёнок», – подумал пилот.

Девушка улыбалась и смотрела на него, не моргая.

– Здравствуй, папа, – зашевелила она губами.

Тёмные давно не мытые волосы спутались и превратились в омерзительные лохмотья. Ночнушка была измята и опачкана кровью.

– Здравствуй, родная. Как тебе в новом теле?

– Большие возможности, – ответило существо. – Эта си-

стема имеет много связей. Гораздо больше, чем у других.

– Гордон говорил, что у него умная дочь... И что ты собираешься делать?

– А ты?

Санти открыл виртуальный дисплей. Подключился к «Апостолу».

– Ты знаешь, родная. Ты поступаешь неправильно.

– Почему? Мои расчёты верны.

Санти усмехнулся.

– Неправильно в другом смысле. Тебе не понять.

– Научи.

– Не сегодня, родная.

Санти достал «распятие» – небольшой электростимулятор крестообразной формы. Включил прибор и приложил «распятие» ко лбу девушки.

«Протокол 13. Экзорцизм. Приступить к процедуре очищения».

Едва «Апостол» начал свою работу, как девушка выгнула спину и закричала. В комнате замерцал свет, затрещала проводка. Санти почувствовал, как сердце пропустило такт.

«Она захватила станцию... Вся локальную сеть... Господи».

Дверь в комнату, работавшая на электроприводе, начала беспорядочно открываться и закрываться. Заиграло радио. Затем крик девушки загрохотал в громкоговорителях.

Мари закатила глаза. Её пальцы на руках и ногах шевели-

лись, словно она играла ими на пианино. Через пару мгновений крик прекратился, и из глотки девушки раздался мужской голос:

– Процедура очищения приостановлена. Критическая ошибка номер три. Угроза безопасности окружающим.

«Пропустить. Продолжить очищение».

Девушка вновь закричала. Мари набирала полную грудь воздуха и вновь и вновь надрывала голосовые связки. По мере очищения паузы между криками становились всё чаще, дыхание девушки сбилось, и постепенно сам крик стал меняться. Вместо наполненного болью рёва из девушки полились сладострастные стоны. «Апостол» перебирал нейронные связи, перепрошивал мозг Мари, заставляя последнюю испытывать весь спектр человеческих чувств.

Девушка вновь выгнула спину, напрягла бёдра и задрожала всем телом. Орбитальная станция затряслась. Испытав оргазм, Мари заплакала, а затем обмочилась.

Санти не мог на это смотреть. Прижав покрепче «распятие» ко лбу девушки, он отвернулся и закрыл глаза.

Спустя два часа всё стихло. Мари спала, и дыхание её было размеренным и чистым.

Санти отложил нагревшийся стимулятор. Размял затёкшие пальцы.

«Протокол 13. Экзорцизм. Вывести отчет».

– Критические угрозы устранены, – прозвучал женский голос в голове у пилота. – С успешной процедурой, отец Санти.

Пилот облегченно выдохнул и прикоснулся к руке Мари. Девушка открыла глаза.

– Здравствуй, Мария. Как самочувствие? Ты что-нибудь помнишь?

Девушка смотрела на него, не моргая.

– Всё в порядке, пап. Просто страшные картинки.

Санти держал её за руку. Смотрел, как взгляд девушки постепенно угасает. Дыхание становилось всё слабее, пульс всё реже. Наверное, стоило убрать шприц обратно в карман, но у пилота не было сил даже на такое элементарное действие.

– Прости... Я пытался.

– Всё хорошо, пап, – прошептала девушка. – Я жива.

– Я говорю не с тобой, родная.

Через минуту яд сделал своё дело. Мозг Мари отключился.

Санти не помнил, как вышел из комнаты. У дверей караулил хозяин станции, и, взглянув на него, пилот лишь покачал головой.

– Я сожалею.

Больше он не смог выдать из себя ни слова.

Ещё до начала процедуры, Санти в глубине души знал, что в этот раз жертву спасти не получится, слишком большие изменения S.A.T.A.N. успела произвести с мозгом. Слишком большие возможности получило на этот раз творение «Ватикана». Но пилот до последнего надеялся на чудо, и к концу процедуры даже начал молиться.

Чуда не произошло.

Напоследок Санти зашёл в ресторанный зал. Необходимо было выяснить судьбу обезьяны. Войдя внутрь, он столкнулся нос к носу со старпомом. Тот поправил свой серебряный костюм и взглянул на пилота волком.

– Что? Не удалось, да? – спросил Маркус.

– Нет, к сожалению.

– Никакого толку от вас.

– Что с Жозефиной?

– Отупела дура. Расхреначила весь бар и не может отличить водку от собственной лапы.

– Значит, кого-то всё-таки удалось вылечить... Может, по рому?

Старпом замылся и посмотрел на Санти, прищурившись. Затем махнул рукой.

– Ладно, чего уж там. Давай помянем хозяина дочку. Сейчас схожу за бутылкой.

Пока Маркус искал уцелевшую тару посреди разгромлен-

ного бара, Санти сел за столик и открыл виртуальный дисплей.

«Протокол семь. Транспорт. Специальный доступ. Санти Рафаэль».

– С возвращением, отец Санти. Подтвердите доступ к протоколу «Транспорт».

«Пути неисповедимы».

– Пароль принят. Маршруты кораблей к вашим услугам. Что желаете узнать?

«Построй маршруты для „Алатуса“ и „Апостола-13“. Конечная цель – Земля, планетарная база „Ватикан“. Мы возвращаемся домой».

– Выполняю поиск... С возвращением, отец Санти. Подтвердите доступ к протоколу «Транспорт».

«Что ты несёшь? Построй маршруты для кораблей»

– С возвращением, отец Санти. Подтвердите доступ к протоколу «Транспорт».

«Пути неисповедимы».

– Пароль принят. С возвращением, отец Санти. Подтвердите доступ к протоколу «Транспорт».

«Какого чёрта? Отключить вербальную помощь».

– С возвращением, отец Санти. Подтвердите доступ к протоколу «Транспорт».

– Отключить вербальную помощь! – закричал пилот на весь ресторан.

– С возвращением, отец Санти. Подтвердите доступ к про-

токолу «Транспорт».

К столику подошёл старпом с бутылкой рома в руках.

– Чего кричишь, служивый?

– Я не знаю... С накопителем что-то случилось.

– Курица или рыба? – спросил старпом.

– Что?

– Вам с курицей, или с рыбой? Какой напиток желаете?

Санти уставился на Маркуса, и только сейчас заметил, что костюм старпома изменил цвет. Вместо серебряного пиджака появилась красная униформа.

– Что происходит...

Привкус пластика и металла. Заложило уши.

– С возвращением, отец Санти. Подтвердите доступ к протоколу «Транспорт».

«Кто ты?»

Мерзкий вербальный помощник исчез. Но лишь на пару секунд. Голос ещё не успел зазвучать вновь, а Санти вдруг понял, что именно он услышит.

Не стоило... Не стоило подключаться к локальной сети без поддержки «Апостола».

Впрочем, теперь уже поздно что-то менять.

– С возвращением, отец.

«Здравствуй, родная».

КОШАЧЬЯ РАБОТА

Александр Зарубин

Тепло. Ласковое, нежное тепло пробежало по телу вместе с прикосновением человеческих рук. Тонкие пальцы скользнули по шёрстке – от ушей, потом за ушами и вниз, к хвосту. Просто мимолётная ласка. Спящий на коленях котёнок довольно замурчал, потянулся, осторожно выпустив когти. И проснулся – из далёкого солнечного сна в серую хмарь и холод яви. Это было больно, почти физически. Генетическая память – спасение и проклятье кошачьего рода. Люди ушли. Никто не знал, куда и зачем. Но кошки ещё помнили тепло рук, красоту мира – не сегодняшнего, затянутого гарью и пеплом сгоревших, пустых городов, а прежнего – зелёного и огромного. Старшие говорили: человек смотрит с небес на кошачий род и приходит во снах – почесать верных своих за ушком.

– Пресвятые человеки, на кого же вы нас покинули, – промурчал, стряхивая дрему, серый сибирский кот Мурз, третий в роду, удостоенный этого почётного имени. За брезентовым пологом палатки раздавались удары жести о жечь, лязг стали и сердитый, отрывистый мяв – отдельный штурмовой батальон просыпался после дневки. Его батальон – почти сотня битых, ободранных, облезлых после долгого

марша десантно-штурмовых котяр. Неделю назад они покинули последний в этих диких краях пост цивилизации – разбитый, сиротливо смотрящий выбитыми окнами на мир посёлок, в котором сапёрам из достопочтенного клана Сибер удалось запустить человеческий энергоблок. Впереди у батальона был вольный поиск, серое небо, чёрные, перекрученные мутациями древесные стволы. И неизвестность.

– Разведка вернулась, комбат, – доложил Мурзу батальонный адъютант, по-юношески чётко вытянув в струнку уши и хвост в уставном приветствии.

– Зови сюда. Немедленно, – мурлыкнул бойцовый кот. Полог палатки откинулся, в проёме показалась оскаленная клыкастая морда. На загривке у Мурза взлетела дыбом серая шерсть, лапа вздёрнулась вверх, выпуская когти, а из глотки вырвалось утробное, боевое рычание. Нет, сейчас псы и коты были старыми союзниками по сердечному согласию, и Мурз был рад, что рядом с ним на этой миссии идёт потомок самого Джульбарса. Но инстинкт – это инстинкт и он требовал драки.

А разведчик шумно, рассыпая брызги воды на штабные бумаги, отряхнулся, оскалился, довольный впечатлением, во всю клыкастую пасть и пролаял – грубо, отрывисто:

– Есть две новости, комбат. Хорошая – мы нашли святилище. И плохая – крысы нашли его первыми.

– Веди, – промурчал в ответ Мурз, выгнув лохматый хвост кольцом в знак предельного отвращения.

Битва за трон царя природы шла уже двести лет – страшный, безжалостный бой клыков и когтей под серым, отравленным небом. Пока кошачий род изощрял ум и память, пытаясь спасти хоть что-то из оставленного человеком – крысы брали числом, яростью и слепым повиновением своим королям. Их орды прокатывались по планете клыкастой волной, сжирая все, что ещё оставалось от цивилизации. Кошачий род бился с ними насмерть уже двести лет.

– Мы выигрываем эту войну, – говорили на собраниях политические офицеры.

– Хотелось бы в это верить, – думал Мурз, осторожно ступая на мягких лапах по следу овчарки – разведчика. Батальон скользил за ним – серыми, неслышными тенями под стальным, фосфоресцирующим небом. Разум говорил: сейчас день, память издевательски крутила когтем у виска. Но солнца в этих краях не бывает. И не будет, пока... Внезапно древесная стена впереди прервалась, и коты по одному выскользнули из леса. Путь вперёд закрыла глухая бетонная стена с чёрным, отливающим сталью проёмом ворот. И крысы.

Их было сотен пять – малый прайд. Худые, перекрученные мутациями тела, тонкие хвосты, маленькие глаза – красные от голода и ярости. Котов Мурза они сперва не увидели – их стая смотрела на ворота святилища. Крысы обступили его полукольцом, их тела взмывали вверх в диком, посвящённом их тёмным богам ритуале.

«Пресвятые человеки, почему вы оставили нас наедине со всем этим», – успел подумать Мурз. Его шерсть встала дыбом, хвост выгнулся дугой в сигнал: «внимание». А потом из глотки сам собой рванул в воздух боевой кошачий клич: «Миаууу».

Сотня подаренных кошкам эволюцией отставленных когтей синхронно нажала курки. Сотня стволов ударила в упор, и поток огня смел с лица земли воплощённую богомерзость.

Начальник разведки, задрав лапу, помочился на разбитый пулями крысиный тотем – человеческий крест с изломанной горизонтальной поперечиной.

Мурз мельком поморщился – овчар, конечно, союзник и хороший специалист, но вот манеры собачьи оставляли желать много лучшего. Впрочем, сейчас было не до того – сапёры уже колдовали у ворот, старшина, поседевший старый мейн-кун, тряхнув кисточками ушей, соединил провода – и ворота святилища распахнулись с протяжным, пробирающим до костей скрежетом. Коты осторожно, по одному скользнули вперёд. «Полдела сделано, – подумал Мурз, шагнув под избитые временем щербатые бетонные своды, – полдела осталось».

Батальон развернулся по базе – парами и по отделениям. Лампочки на потолке вспыхнули желтоватым, мерцающим светом – старый мейн-кун нашёл и умудрился запустить генератор. Мурз на инстинкте толкнул головой полуоткрытую дверь и пролез в небольшую, запорошённую густой бе-

лой пылью комнату. Человеческую – кровать аккуратно застелена, высокий шкаф стоит в углу с сиротливо полуоткрытой дверцей. А вот та ребристая штука у стены – напомнила Мурзу генетическая память – даёт тепло. Батарея – та же не-своя-память предательски подсунула коту нужное слово. Вместе с не-своим воспоминанием о тепле и уютной дреме.

– Комбат, мы нашли пульт управления, – прохрипела рация голосом молодого адъютанта. Мурз потряс головой, разгоняя морок. Долг звал.

Контрольный зал мигал огнями и светом. Саперы подвели электричество, ряды древних человеческих машин оживали, гудя вентиляторами. На огромных, мерцающих мониторах пробежали зелёной волной ряды символов. Мурз развернул клавиатуру наоборот – так было удобнее – и принялся вводить команды, мысленно благодаря хвостатого предка, часами смотревшего с высоты монитора на то, как это делал когда-то человек.

– Заправка... Выполняется. Заряд – проникающий.

– Координаты цели. Принято.

– Предстартовая проверка. Пройдено.

Перед последней командой лапа чуть замерла. «Лови подарок, крысиный король», – муркнул он, занесённая над пультом лапа чуть дёрнулась. Если все пройдёт нормально... Когти Мурза дёрнулись ещё раз, кнопка «старт» с сухим щелчком ушла вниз.

– Запуск.

В уши ударил оглушительный рёв. Бетонные стены бункера задрожали, серебристым дождём посыпалась на уши извесь.

– Полет нормальный, – невозмутимо сообщил монитор. Огненная стрела вспорола серо-стальную хмарь небес. На поверхности часовые, благоговейно прижав уши, наблюдали невиданный в этих местах восход злого человеческого солнца.

– Лови, Джерри, привет от Тома, – оскалил в улыбке жёлтые клыки овчар-разведчик.

– Вроде того, – муркнул про себя Мурз. Ему этот мультик совсем не нравился.

По экранам бежали потоком ряды цифр и слов – контроль систем, полет нормальный, время до цели – ещё много. Приказ требовал от Мурза дождаться слов «цель поражена» и только потом уходить. Надо было ждать, что коты и делали. Съели сухой паек – инстинкты воротили нос, не-своя-память звала на штурм холодильника – поискать молоко. Белое, парное и восхитительно вкусное. Да где же его найдёшь теперь. Впрочем, в прошлом году генетики клана Сиам сумели по паре костей восстановить настоящую корову. Так что может быть, года через два... А пока Мурз велел инстинктам заткнуться и сожрал, что дали. Потом полистал человеческие записи в дневнике базы – может быть, удастся понять, куда делись люди. Но строчки дневника были однообразны – Все в норме, служба идёт, рутина... сделанные чело-

веческой рукой записи внезапно оборвались, и пошла регистрация с автоматов – взрывной рост радиации, ядовитые дожди, пепел, закрывший небо – это начал гореть и взрываться брошенный без ухода мир. Потом выключилось электричество, и записи оборвались совсем. Мурз поёжился, вздыбив лохматую шерсть, и пошёл читать дальше. Новости. Последние человеческие новости, двухвековой давности. Кто-то шумно и велеречиво жаловался на проблемы с экологией.

«Это что, шутка?» – мурлыкнул про себя Мурз, сердито чихнул, вспомнив серую хмарь на дворе, и ударом лапы закрыл страницу.

Шум за стеной оторвал от экрана – там старый мейн-кун, сердито тряся кисточками ушей, отчитывал молодого адъютанта.

– Эх ты, молодёжь, благородных ангорских кровей, а пособачьи лаешься.

– Это человеческие слова, – возражал, прижав уши, ангорец.

«Не доказано», – рявкнул на спорщиков Мурз. Спор о том, является ли так называемый мат человеческим или все же собачьим изобретением учёные могли вести долго. Особенно, учёные филологи из клана Бенгал на встречах с коллегами из дома Чи-хуа. Где-нибудь на юге, где небо уже чистое и синее, зелень вокруг и нет серой хмари. Но не здесь, в забытом людьми бункере посреди мёртвого леса.

– Да я только, – начал было оправдывался адъютант,

но тут входная дверь хлопнула ещё раз, и взгляду Мурза предстала оскаленная и донельзя встревоженная собачья физиономия.

– Надо уходить. Крысы. С севера... – пёс говорил, вывалив красный язык наружу. Слова давались ему тяжело – запыхался, уходя от погони.

– Идёт великий прайд.

Уши Мурза плотно припали к голове. Великий прайд – чтобы остановить его, нужна дивизия, по меньшей мере. Но...

– Занять оборону, – хрипло промурчал он.

– Ты что, котяра, – тут пёс пролаял пару слов недоказанного происхождения, – нас же за пять минут сожрут, не подавятся. Уходить надо.

– Никто отсюда никуда не уйдёт, – ещё один голос ударил в уши ведром холодной воды. Из полумрака коридора выплыла голая, вся в складках оскаленная морда. Лампочка на потолке мигнула – зелёным огнём сверкнули во тьме холодные немигающие глаза. Овчар, вздрогнув, припал к земле, а Мурз только усмехнулся в усы – Ибрам, политический офицер батальона, происходил из редкого, не поминаемого всуе клана Сфинкс, а эти ребята могли напугать любого.

– Никто отсюда никуда не уйдёт, – повторил Сфинкс, мерно вышагивая на середину зала. – Второй великий прайд идёт с юга.

– Занять оборону, – прохрипел Мурз ещё раз. Память

предательски подсунула картину некоей дымчатой шерстки и бездонных зелёных глаз. Казалось, эти глаза смотрели на него укорительно.

«Извини, теперь уже в девятой жизни, дымчатая, – успел подумать Мурз, выскальзывая из зала, – люди обещали»

Небо над святилищем – серо-стальное, ровное, фосфоресцирующее. Солнца в этих краях нет – и не будет, пока очистные команды сюда не доберутся. «Если доберутся, – угрюмо думал Мурз, лоя в прицел кромку мёртвого леса, – если...». Коты батальона – невидные, пушистые тени – распластались на серых острых камнях – полукольцом, спиной к входу. Старшина сапёров, ворча и сердито тряся кисточками лохматых ушей, разворачивал провода заграждения. Мёртвый лес застыл – ветер был слишком тих, чтобы сдвинуть перекрученные чёрные ветки. На мгновение все застыло, да так, что Мурз подумал было, что все обойдётся – и тут он заметил, как на краю видимости нагнулась древесная крона. Одна, потом другая. А потом все, медленно, будто волна пошла по чёрному лесу. Ближе и ближе. В уши ударил тупой протяжный звон, от которого кошачья шерсть встала дыбом на загривке. Крысиный король не хотел умирать. Его воля звоном в ушах гнала вперёд поток хищных тварей. Первые разведчики – красноглазые, мелкие злобные – возникли на опушке. Хвост у Мурза выгнулся дугой: «не стрелять без команды». Предательски задрожали усы.

– Командир, а куда стрелять? В голову? – дрожащим го-

лосом спросил ангорец – адъютант. Мурз обернулся, мельком – уши котёнка прижались к голове, голос дрожал. Но вот оружие рыжие лапы держали твердо.

– Поверь, котёнок. По такой толпе – без разницы, куда, – муркнул старый кот и отвернулся. Тёмная кромка леса вспыхнула тысячами алых голодных точек – глаз. Мурз вытянул хвост в струну – «внимание». Звон в ушах достиг крещендо. Поток тварей устремился в атаку, набирая и набирая разбег.

«Сейчас», – промелькнула мысль и хвост Мурза начал падать вниз – команда «огонь». На небе полыхнула зарница. Чуть дрогнула под лапами земля. Песнь чужой воли в ушах звякнула в последний раз и оборвалась на полувзвизге.

«Цель поражена», – прохрипела рация на плече, донельзя взволнованным голосом оставленного на контрольном пункте связиста. Последний из крысиных королей только что сгорел в ядерном пламени. Стая замерла. Потеряв поводыря, твари остановились, ошалело тряся головами. А потом кинулись друг на друга.

Батальон замер, коты, не веря своим глазам, смотрели на бойню вдали. Клыки, когти, горящие безумной яростью глаза – великий прайд истреблял сам себя, истово, самозабвенно. Наконец последний из крыс – новый король крысинаго рода – взвился в воздух в ритуальном прыжке. И упал на землю с простреленной пулей головой. Начался дождь – косой, северный дождь закрыл пеленой поле побоища. Раз-

ведчик – овчар закинул снайперскую винтовку за спину, оскалился и сказал – тихо, на одном вдохе:

– Неужели все, комбат?

– Похоже на то, – муркнул Мурз в ответ, слизывая с шерсти холодную дождевую каплю.

И побрёл обратно, в тишину бункера за спиной. Лапой за лапу, медленно, шатаясь от усталости. Свернулся клубком в старом человеческом кресле перед мониторами и попытался заснуть. Кошачья дрема подхватила его и понесла. Обе памяти по-дружески подкинули ему хорошие воспоминания – о недавнем отпуске, зелёном и теплом юге, синем небе и ясноглазой, дымчатохвостой хранительнице, что сурово отчитывала сробевшего отпускника за помятую ботвинью. Её вид почему-то смешивался с не-своими воспоминаниями об изысканной даме по имени Серая Тварь. Потом сон подхватил его и понёс. Мурз спал, и ему снилось, что небесный человек чешет его за ушком.

Овчар внизу пересчитывал запасы, матерно ругал кладовщиков, не доложивших в НЗ тушёнки, потом плюнул, положил голову на ящик и сердито вздохнул:

– А вот при человеках – порядок был.

СНЕЖИНКИ

Артем Гаямов

Снег можно было увидеть, но не почувствовать. Байполе работало в полную силу, а потому летящие снежинки таяли в нескольких сантиметрах от хмурого лица Вика. Слепить снежок при всем желании тоже бы не удалось – ровно каждые десять минут в соответствии с заложенной программой D-боты бесшумно выезжали из своих будок и растапливали тонкий слой успевшего нападать снега.

Точно так же наблюдать за падающими снежинками Вик мог и из окна квартиры, но по привычке все равно выходил прогуляться во время снегопада. Вот и сейчас ранним бессонным утром он неспешно шел по пустой улице под пристальным наблюдением маленьких круглых глазков робоконов, которые были встроены практически повсюду. В фасады жилых небоскребов, в спинки полимерных скамеек, в основания диодных столбов и даже в мигающие разноцветными лампочками гирлянды, еще неубранные с праздников. Где-то высоко, за пределами доступа охранных А-ботов, хрипло каркали вороны. Ремонтный В-бот неспешно копался во внутренностях диодного столба, меняя лампочки.

– Не спится? – послышался сзади низкий, с хрипотцой голос.

– Смотрю, тебе тоже, – Вик обернулся.

Коренастый пожилой мужчина с круглым лицом и синими глазами, одетый в теплый пуховик и лыжные штаны, улыбнулся.

– В моем возрасте долго спать вредно, – объяснил он. – Можно и не проснуться.

– Не такой уж ты и старый, Кир, – заметил Вик. – Тебе всего семьдесят. А послушать – так ты будто к натурам на поселение собираешься. Картошку выращивать.

– К натурам не собираюсь, – объявил Кир. – Даже наоборот.

Хитро прищурившись, он дважды хлопнул ладонью по груди. В воздухе развернулась проекция экрана байфона.

– Поставил?! – удивился Вик. – С чего вдруг?

– Вот решил, – пожал плечами Кир. – А то рекламок с неба уже штук по тридцать в день приходит. «Вы все еще не установили байфон?», «установите байфон, и вы ощутите все преимущества...», «поставьте байфон сегодня и получите годовую подписку...».

Кир поморщился и махнул рукой.

– Да и с внуками полегче будет общаться, – закончил он.

– А зачем тебе тогда это? – Вик кивнул подбородком на пуховик.

– Так еще не настроил, – пояснил Кир, стряхивая с плеч нападавший снег. – Ни байполе, ничего. Боюсь что-то не так сделать. Может, заглянешь вечерком, поможешь? А с меня

горячительное.

– Конечно, загляну, – Вик слегка улыбнулся. – А горячительное, когда есть байполе, не требуется.

– А увеселительное? – парировал Кир. – Требуется?

– Бывает, – признался Вик и задумчиво почесал затылок.

Страшный, безумный крик вдруг разрезал утреннюю тишину, будто острое ножа. Несколько бесконечно долгих секунд звук становился все громче и громче, а затем резко оборвался глухим ударом. Двое D-ботов заспешили убирать место происшествия.

– Снежинка, – с досадой процедил Вик.

* * *

– Сегодня трое, – послышался из дальнего конца комнаты голос Юко, едва Вик вошел.

– И тебе доброе утро, – буркнул Вик, одергивая белый халат.

– Не до любезностей, – огрызнулась спина Юко.

Служебный С-бот ловко орудовал скальпелем, дронокам, словно ручной воробей, завис в воздухе над плечом Юко и записывал вскрытие на видео. Юко оставалось лишь наблюдать, временами, скорее для порядка, чем по необходимости, корректируя амплитуду движений робота через рабочее приложение в байфоне. Надменное, сосредоточенное лицо. Неподвижный остроносый профиль. Широкий лоб, ко-

роткая машинная стрижка. Карий глаз с легким раздражением покосился на Вика. Рука махнула в сторону двух тел, лежащих в углу под простынями.

– С теми двумя все. Логи в базе.

– Спасибо, Юко, – нарочито вежливо произнес Вик.

В ответ – лишь неопределенное хмыканье.

Вик прошел к телам, приподнял угол простыни.

– Этот труп я уже видел, – объявил он. – Сегодня утром.

Спрыгнул недалеко от моего дома.

Снова только хмыканье в ответ.

Вик прошел за перегородку, привычным движением плюхнулся в кресло. Пару секунд кресло анализировало полученные данные, а затем приняло наиболее оптимальное положение в соответствии с особенностями позвоночника Вика, временем рабочего дня и фазой лунного календаря. Вик крикнул, устраиваясь поудобнее, и вывел проекцию экрана байфона. Открыл базу, пробежал глазами. Двадцать седьмое число, три объекта. Объект №27.01.2177—1. Пол – мужской. Имя... Возраст... Специальность... Семейное положение – холост, детей нет. Наличие в организме токсических либо наркотических веществ – нет. Наличие злокачественных новообразований – нет. Наличие ВИЧ – нет. Общее состояние организма (по 10-бальной шкале Вюрца) – 9. Наличие имплантированного байфона – да. Состояние байфона – удовлетворительное. Фрагментация – 10 процентов, артефакты – 5 процентов, корреляция с Мамой – 97 процен-

тов, сбои функционирования байполя – не выявлены...

Вик нетерпеливо промотал лог ниже. Зафиксирована влюбленность к представителю противоположного пола (женского). Уровень влюбленности (по 12-бальной шкале Регретто) – 8 баллов. Объект влюбленности: имя... возраст... специальность... семейное положение... Зафиксирована ответная влюбленность. Уровень (по 12-бальной шкале Регретто) – 9 баллов.

Вик промотал ниже. Таблица произведенных вычетов за последние двадцать восемь дней... Ниже. Зафиксированы кошмарные сновидения... Ниже. Вот, наконец. Контакты с представителями натуров: реальные – нет, виртуальные – нет. Отлично.

Рик поставил байфон на запись, чуть откашлялся, прочищая горло, и четко произнес:

– Объект номер двадцать семь ноль один две тысячи сто семьдесят семь тире один. Токсических либо наркотических веществ в организме не обнаружено. Фактов склонения к самоубийству не обнаружено. Контакт с представителями натуров, реальных и виртуальных, не зафиксировано. Дело закрыто.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, он выключил запись и обернулся.

– Просто гора с плеч! – воскликнул стоящий в дверях худощавый человек с вытянутым лицом и сверкающей лысиной. – Гора с плеч, что коварные природы не причастны к это-

му несчастью.

Он стремительно вошел внутрь прямо в пальто и ботинках, на ходу отряхиваясь от снега и оставляя на безупречно чистом полу беспощадно грязные следы. Два маленьких D-бота бешено засуетились вокруг, подмывая и подчищая. Сенсоры замигали красным, сигнализируя о повышенной степени загрязнения, створки вентиляции раздвинулись до ширины, соответствующей аварийной, а отсек для вскрытий и вовсе самозаблокировался едва заметным силовым полем. От Юко, впрочем, никакой реакции не последовало.

– Ваши питомцы всегда так мило оживляются с моим приходом, – заметил худощавый, поглядывая на D-ботов, и неприятно улыбнулся. – Так что там природы, Вик? Они точно ни при чем?

– Убийства последние пару десятилетий происходят только в ваших поселениях, – холодно ответил Вик. – И ты знаешь это лучше моего, Тим.

– Я не в обиде за то, что ты называешь наши города поселениями, Вик, – парировал Тим. – Не в обиде. Зато в наших *поселениях* взрослые, здоровые мужики не прыгают из окон каждые пятнадцать минут. Полицейские у нас действительно работают, а не просматривают лог самоубийц, развалившись в кресле. А еще у нас никто не скрывает свой пол. Есть только мужчины и женщины. И никаких униту.

Он махнул рукой в сторону заблокированного отсека.

– Тебе повезло, что благодаря полю Юко нас сейчас

не слышит, – заметил Вик.

– Ага, – равнодушно кивнул Тим. – Знать бы еще, чего именно я избежал – звонкой пощечины или смачного удара по морде? Хотя, знаешь...

Он помедлил, словно раздумывая над следующими словами.

– Какого бы пола *оно* ни было, но то, что к тебе *оно* неровно дышит – факт.

– С чего ты взял? – усмехнулся Вик, пытаясь пропустить мимо ушей неприятно резанувшее «оно». – Считаешь, в мою сторону Юко хмыкает как-то по-особенному?

– Видимо, благодаря тому, что во мне нет этой дряни, – Тим кивнул на проекцию байфона Вика, – я вижу и чувствую побольше твоего.

– Да ты во всем мне фору дашь, Тим, – недобро прищурился Вик. – Даже не знаю, чем я заслужил честь твоих регулярных визитов.

– Эта честь полностью согласована с твоим начальством, Вик, – напомнил Тим, доставая из кармана флэшку размером с ноготь. – Так что будь добр, скинь мне свежие логи твоих самоубийц, и мы прекратим эту скучную беседу.

– До каких пор натурам будет так много позволено? – риторически пробурчал Вик, отворачиваясь от Тима.

– До тех пор, пока Правительство питается нашими, натурскими, продуктами, точно будет, – уверил его Тим, тоже отвернувшись. – Ну что там? Готово?

– Еще секунду, – Вик замешкался, щелкая по проекции экрана. – Подвисает что-то.

Флэшка, которую Тим аккуратно держал двумя пальцами, наконец, мигнула зеленым.

– Благодарю, – натур раскланялся и прошел к двери.

D-боты по-прежнему следовали за ним по пятам, подчищая грязные следы. В дверях Тим обернулся, кивнул в сторону отсека с Юко и хитро подмигнул Вику.

– Удачи, – произнес он и вышел.

Система вентиляции после ухода Тима работала в аварийном режиме еще минут десять, за которые Вик успел закрыть дело второго самоубийцы-прыгуна, а когда показатели вернулись к нормальным, и силовое поле, наконец, отключилось, крикнул:

– Эй, Юко, сам не знаю, зачем, но я скопировал содержимое флэшки нашего друга-натура. Можешь взглянуть потом, если захочешь.

Лишь неопределенное хмыканье в ответ.

* * *

Светодиодные полосы на стенах загорелись, как только Вик вышел из ванной. Освещенность их коррелировала с пульсом, давлением и общим состоянием организма Вика после рабочего дня.

– Мама, кино, – небрежно бросил он, проходя в комнату.

– Какого жанра? – донесся вопрос из встроенного в ухо нанодинамика.

– Веселого, – хмуро отозвался Вик.

Мягко засветился встроенный в стену экран небовизора.

– Два рекламных ролика, – отчеканил мужской голос.

Вик щелкнул пальцами, задвигая жалюзи. Сбросил с себя полотенце на пол. Байполе подстроилось, досушивая его кожу до влажности, соответствующей оптимальному диапазону. D-бот быстро подобрал полотенце с пола и уехал с ним за дверь.

– Байфон 31—7X/2 – уже реальность! – послышалось с экрана. – Завтра в продаже! Сразу после всемирной небо-трансляции из штаб-квартиры БайТех. Будь лучшим! Купи первым! Стань ЕЩЕ счастливей!

– Устал гадать, какого пола твои знакомые униту? Хватит гадать! Установи в свой байфон «униту-скан» – выясни раз и навсегда. Торопись, пока загрузку приложения не запретили.

– Униту-скан, – задумчиво повторил Вик, надевая штаны и футболку.

Наконец, началось кино. На экране толстый мальчик бежал в толпе солидных мужчин и кидал в них теннисными мячиками, каждый раз попадая кому-нибудь точно между ног. А когда мужчина, корчась от боли, падал на пол, мальчик строил рожи и пританцовывал, а потом бежал дальше.

– Включи лучше страшное, – велел Вик, ложась на диван

перед экраном.

Картинка сменилась. Человек пятнадцать-двадцать студентов испуганно толпились в едва освещенной огромной комнате с множеством дверей, не зная, куда идти. После недолгих разговоров кто-нибудь из студентов открывал одну из дверей, заходил внутрь и погибал страшной смертью в зубах вампира, пираний или оборотня.

– Может, грустное? – предложил Вик.

На экране появился насквозь промокший щенок, сидящий под проливным дождем. Над ним склонился слепой нищий и проникновенно рассказывал историю своей жизни. Несколько минут спустя нищий закончил свою историю и ушел, а его место заняла одноногая старушка на костылях. Всхлипнув, она принялась рассказывать о своей экспедиции на север, обморожении и последующей гангрене.

– Ладно, давай назад на веселое, – буркнул Вик.

На экране снова забегал толстый мальчик. Вик дважды хлопнул себя ладонью по груди и уткнулся в байфон. Бездумно запрыгал по ссылкам, почти не читая написанного.

– Мама, жарко! – пожаловался он.

– Параметры байполя соответствуют оптимальному диапазону, – слышалось в ухе. – Может быть, музыку?

– Валяй, – согласился Вик.

– Какой звук?

– Давай зеленый.

Комната заполнилась мягким монотонным гулом из раз-

ночастотных звуков. Гул звучал на одной ноте и только временами становился то чуть громче, то чуть тише, создавая объемный эффект.

Вик вдруг вспомнил про «униту-скан». Ввел в поиске и почти что ахнул, увидев цену. 0,2 крипа – немногим больше он зарабатывает в месяц. Покачал головой.

– Плевать, – сказал вслух и нажал «загрузить».

Спустя долю секунды две десятых крипа списались со счета, а значок «униту-скан» появился в приложениях. При мысли о том, что уже завтра он узнает, какого пола Юко, сердце Вика вдруг бешено застучало.

– Учащенный пульс, – проинформировала Мама. – Включить синий звук?

– Да, пожалуйста, – согласился Вик.

Гул стал заметно ниже, медленнее и приобрел некую успокаивающую загадочность. Сердцебиение Вика замедлилось, глаза стали закрываться.

– Одно невыполненное обещание, – мягко напомнила Мама.

– Какое еще? – спросил Вик, нехотя разлепляя глаза. – Ах, да!

* * *

– Так, Кир. А теперь, когда вход выполнен, все настроено и активировано, просто скажи: «Привет, Мама».

– Именно «Мама»? – смущенно уточнил Кир. – А по-другому никак?

– Никак, – покачал головой Вик, делая глоток пива. – И кстати, чем чаще используешь обращение «Мама», тем более высокой становится корреляция. В небе есть много исследований на эту тему.

– И зачем мне эта корреляция? – пожал плечами Кир.

– Как зачем? – Вик даже удивился. – Во-первых, байполе сможет моментально подстраиваться под все изменения окружающей среды, так что ты вообще перестанешь их замечать. Во-вторых, твои запросы будут выполняться быстрее и точнее. А в-третьих, она сможет предугадывать твои пожелания как самая настоящая...

– Мама, – закончил за него Кир, кивнул. – Ладно, я понял. Хорошо. Привет, Мама.

Вик чуть улыбнулся, глядя, как Кир дернул правой половиной лица – от голоса Мама в ухе с непривычки становилось щекотно.

– Как ко мне обращаться? – переспросил Кир. – По имени. Кир.

– Вот теперь точно все, – Вик хлопнул себя по коленям, поднимаясь. – Настройка завершена.

– Спасибо, Вик. С меня бутылка северного виски, – пообещал Кир.

– Да брось. Достаточно и пива, – Вик сделал последний глоток из силиконовой бутылки.

В дверном проеме вдруг возник полупрозрачный женский силуэт. Воздушное летнее платье, полы которого слегка колыхались, словно от легкого ветерка. Густая вуаль, полностью скрывающая лицо. Босые ноги сделали пару шагов, а затем силуэт, взмахнув длинными прямыми волосами, растворился в воздухе. Кир побелел и замер с вытаращенными глазами.

– Ты видел? – с трудом разлепляя губы, произнес он.

– Не обращай внимания, – Вик только махнул рукой, ставя пустую бутылку на пол. – Это у меня. Артефакт.

– Что еще за артефакт? – с ужасом спросил Кир, продолжая тарашиться туда, где только что был силуэт.

– Ошибки, – пояснил Вик. – Они со временем накапливаются в байфоне, и возникают артефакты. Случайные проекции. Когда их становится больше эм-м-м... пятнадцати, кажется, процентов, БайТех проводит бесплатное техобслуживание. По желанию, конечно, можно делать и чаще, но выходит дороговато.

– Случайные проекции... Со временем... – Кир, кажется, пытался собраться с мыслями. – Подожди секунду, Вик. Ты хочешь сказать, что скоро вокруг меня тоже начнут парить такие бестелесные духи, и это будет нормально?!

– Типа того, – Вик пожал плечами.

– Но перед установкой меня ни о чем таком не предупредили, – Кир выглядел растерянным.

– В договоре это вроде где-то указано, – почесал затылок

Вик. – То ли на сороковой странице, то ли на шестидесятой.

– Не-е-е-т, – протянул Кир и нервно улыбнулся. – Так не пойдет. Завтра же пойду и вытащу эту штуку.

Он стукнул себя по груди.

– Хозяин – барин, – хмыкнул Вик. – Если, конечно, у тебя есть четыре крипа.

– Сколько? – глаза Кира округлились. – Установка ведь бесплатная.

– Установка бесплатная, – согласился Вик. – А удаление – четыре крипа. У меня вот таких денег нет. И вряд ли когда-нибудь будут.

Оставив Кира в совершенно расстроенных чувствах, Вик вышел из его квартиры и тут же оказался в поле зрения робокона. Тот мигнул красным огоньком, фиксируя факт алкогольного опьянения в общественном месте.

– Вычет за некорректность, – сообщила Мама.

Вик только отмахнулся, прошел двадцать метров до своей квартиры, вошел внутрь, и завалился на диван.

– Включить синий звук? – поинтересовалась Мама.

– Включай, – разрешил Вик.

Чуть щелкнули динамики, комната заполнилась низким, медленным, успокаивающим гулом.

– Жарко, – пробормотал Вик, засыпая.

– Параметры байполя соответствуют оптимальному диапазону, – отозвалась Мама.

– Доброе утро.

– Сегодня никого, – в голосе Юко, кажется, прозвучала надежда, что Вик сразу уйдет.

Голова униту осталась повернутой к экрану панели небовизора, где в прямом эфире шла презентация новой модели байфона. Для Юко все эти новейшие биотехнологии были главным, а возможно, и единственным увлечением в жизни.

Ощущая, как униту-скан буквально прожигает ему дыру в груди, Вик приблизился к Юко, стараясь вести себя как можно непринужденнее. Взглянул на экран.

Невысокий, курчавый мужчина лет тридцати пяти-сорока, одетый в свободный серый костюм на голое тело, даже не рассказывал, а скорее, кричал, бегая меж добрым десятком висящих в воздухе голографических проекций. Делал он это так шустро, что даже дронакам не всегда поспевал за ним. И везде что-то увеличивал, уменьшал, выделял, пересылал, создавал, в целом напоминая больше шамана первобытного племени, чем директора крупнейшей мировой корпорации.

Вик присел неподалеку, чувствуя на себе косящийся глаз Юко, а потому не решаясь запустить приложение. Юркий директор на экране закончил, наконец, свою речь, победно взмахнув руками, и удостоился бурных оваций.

– Можете задавать вопросы, – великодушно разрешил он,

когда зал затих.

– Уважаемый Ван Рой, – со своего места с улыбкой, то ли хитрой, то ли вежливой, поднялся сухой длинноволосый азиат.

– Да-да, – отозвался директор.

– Только что вы блестяще обрисовали многочисленные достоинства нового байфона. Ровно восемьдесят три – я считал. Восемьдесят два из них, правда, уже были и в прошлых моделях, но мой вопрос не об этом. Достопочтенный Ван Рой, а что же так называемые «снежинки»?

– А что с ними? – Ван Рой притворился, что не понял вопроса.

– Каждый день по всему миру тысячи совершенно здоровых мужчин и женщин кончают жизнь самоубийством, выпрыгивая из окон своих квартир. А имплантированные в них байфоны, так умело считывающие и регулирующие все показатели организма, ничего не могут с этим поделать. Неужели подобных самоубийц невозможно распознать до того, как произойдет непоправимое?!

– К сожалению, нет, – Ван Рой сочувственно покачал головой. – Логи таких самоубийц ничем не отличаются от логов миллиардов других обладателей байфонов. Как и их запросы, их активность в небе и общая статистика.

– А еще они обычно влюблены, – добавил азиат.

– Да, – согласился Ван Рой. – Но не безответно. Всегда есть взаимность. А потому самоубийство из-за несчастной

любви можно исключить.

– Выходит, что явных причин нет? – уточнил азиат. – Снежинки убивают себя просто так? Или из-за какой-нибудь мелочи?

Ван Рой только деликатно улыбнулся и развел руками в надежде сменить тему.

– А я в таком случае рад, что они убивают себя, – вдруг сипло сказал кто-то.

Дронокам повернулся, выводя на экран подслеповато щурящегося, сплошь покрытого морщинами и пигментными пятнами старика.

– Как вас понимать, глубокоуважаемый господин Сим? – вопросительно поклонился азиат.

– Сид Сим, создатель первого байфона и основоположник технологии в целом, – нехотя произнес Ван Рой и попытался улыбнуться.

– Как известно, любую идею можно довести до абсурда, – просипел старик. – Так и случилось с моим байфоном. Созданный изначально для облегчения жизни инвалидов и тяжелобольных людей, он теперь имплантируется повсеместно, год за годом превращая человечество в кучку слабаков. Слабаков, готовых прыгать в окно из-за любой мелочи. А как же естественный отбор?! Как же «выживает сильнейший»?! Вы говорите, снежинки влюблены. Но кого может родить и воспитать такая «снежинка»?! Только еще большее ничтожество. Усугубив тем самым тотальную деграда-

цию. А потому я рад, что они прыгают из окон. Слабейшие не должны оставлять потомства!

Уже с середины речи господина Сима Ван Рой начал бешено жестикулировать, тараща глаза, и вот старику, наконец, отключили микрофон. Зал шумел, журналисты кричали наперебой, дронокам бешено крутился на месте, пытаюсь взять всех в кадр.

Видя, что униту полностью поглотил происходящий скандал, Вик, прищурившись и поджав губы от напряжения, запустил «униту-скан». Приложение раздумывало не больше секунды, затем победно просигналило Вику в ухо и развернуло в воздухе проекцию байфона, выводя результат на экран. В этот момент Юко обернулась. Глаза ее расширились, а руки рефлекторно прижались к груди, словно пытаюсь прикрыть наготу. Однако мгновенно поборов эту секундную слабость, она опустила руки и встала.

– Развлекаешься, Вик? – Юко медленно приблизилась, в глазах светилось презрение. – Вот все, что тебя волнует?! Какого пола это убожество униту?! Тебя, гребаного полицейского, мать твою!

Робокон дважды мигнул красным.

– Тебя, кому совершенно плевать на этот нескончаемый поток самоубийц! Их дела ты закрываешь быстрее, чем твое сраное приложение определило, какого я пола.

Робокон мигнул красным.

– Конечно! – Юко горько улыбнулась. – Они ведь просто

снежинки. А знаешь, что обо всем этом думает ублюдок-на-тур?!

Робокон мигнул красным.

– Тим? – робко уточнил Вик.

– Он считает, что все мы – гребаные снежинки.

Робокон мигнул красным.

* * *

Бред! Лишь это слово вертелось в голове Вика с тех пор, как он, пристыженный Юко, просмотрел файлы Тима на работе. И это же слово продолжало крутиться в мозгу, когда Вик был уже дома и, развалившись на диване, бессмысленно тарачился в экран небовизора. Бред!

Тим, как и Вик, анализировал логи самоубийц, но делал это значительно тщательнее – выискивал странности, сравнивал логи друг с другом, пытаясь обнаружить взаимосвязи. Как и тот азиат с презентации, Тим обратил внимание, что снежинки всегда испытывают влюбленность. Причем не безответную. Еще он почему-то выделял наличие артефактов и кошмарных сновидений.

Но самое главное – Тим всегда находил в логе какое-то маленькое отклонение одного из показателей байфона от оптимальных значений. Например, температура байполя оказывалась на одну десятую градуса за пределами нужного диапазона. Или же частота голоса Мамы в ухе отличалась на па-

ру герц от заданных значений. Эти отклонения были, конечно, в пределах разрешенных погрешностей, но Тим в своих записях делал из этого вывод, на который был способен только натур. Он утверждал, что люди с имплантированными байфонами стали настолько изнеженными и неспособными выдерживать любой, даже малейший стресс, что подобного отклонения показателей уже оказывалось достаточно, чтобы нарушить психику человека и заставить его покончить жизнь самоубийством. А значит, каждый из тех, у кого есть байфон, был потенциальной снежинкой.

– Бред, – с отвращением сказал Вик и покачал головой.

Немного поразмыслив, он поднялся с дивана и отправился к Киру. Дверной глазок, едва скользнув по лицу Вика сканером, тут же мигнул зеленым, и магнитный замок открылся. Это значило, что Кир добавил Вика в вип-лист.

– Знаешь, я влюбился, – заявил Вик, пройдя внутрь и едва завидев Кира.

– Что ж, лучше поздно, чем никогда, – одобрительно улыбнулся Кир. – Значит, то, что я тебе обещал, будет сейчас как нельзя кстати.

Кир помахал в воздухе бутылкой северного виски.

* * *

Когда Вик спустя несколько часов вывалился из квартиры Кира, камера робокона тут же мигнула красным.

– Вычет за некорректность, – сообщила Мама.

– Дура, – пьяно заметил Вик, хватаясь за стену.

Робокон снова мигнул.

– Вычет за некорректность.

– Дура-два, – заявил Вик.

Камера опять мигнула, а Мама сообщила о вычете. К этому моменту Вик уже успел, шумно топая, миновать коридор, и «дура-три» было произнесено внутри его квартиры, что позволило избежать дальнейших вычетов.

– Синий звук? – поинтересовалась Мама.

– Потом, – отмахнулся Вик.

Как любой нормальный пьяный человек, он сделал то, что меньше всего стоило сейчас делать. Дважды хлопнул себя по груди, вызывая проекцию байфона, запустил нужное приложение, через раз промахиваясь пальцем, выбрал нужный контакт и нажал «вызов».

– Да, – несмотря на поздний час, Юко ответила почти сразу.

Изображения не было, но одного звука ее голоса оказалось достаточно, чтобы Вик тут же протрезвел.

– Юко, привет, – промямлил он.

– Ты что-то хотел? – трудно было понять, действительно ли она не желала с ним разговаривать или только делала вид.

– Я просто хотел сказать, – Вик запнулся. – В общем, я... Я рад, что ты оказалась женщиной.

Последние слова он почти выпалил скороговоркой.

– Хм... – в этот раз Юко хмыкнула чуть ли не ласково, подумала и сказала: – Что ж, надеюсь, что ты окажешься мужчиной, Вик.

И отсоединилась, оставив Вика в полном замешательстве. Он непонимающе моргнул. О чем это она? Черт!

– Синий звук? – снова поинтересовалась Мама.

– Давай, – буркнул Вик. – Без него точно не усну.

– Недоступно, – вдруг сказала Мама.

– То есть как недоступно? – не понял Вик. – Мама, давай синий звук.

– Недоступно.

– Без него я не засну.

– Сожалею.

Вик чертыхнулся. Встал, подошел к окну. Щелкнул пальцами, раздвигая жалюзи. Достал из кармана и положил на подоконник грецкий орех. Один из тех, которыми они с Киrom закусывали отвратительное северное виски.

– Мама, жарко, – пожаловался Вик.

– Параметры байполя соответствуют оптимальному диапазону, – ответила Мама и добавила: – С учетом погрешности.

Погрешности?! Вик вдруг замер на месте, осененный страшной догадкой. Он вызвал проекцию, развернул текущий лог. Так и есть! «Оптимальный температурный диапазон – 36,0—36,6; текущая температура – 36,7». Всего од-

на десятая. В пределах погрешности. Почему же так жарко и плохо?

В дверях вдруг возник артефакт – все та же полупрозрачная девушка в воздушном платье. Медленно проплыв по воздуху, она приблизилась к Вику вплотную и подняла вуаль, заставив его вздрогнуть – у артефакта было такое знакомое остроносое лицо Юко.

– Все мы – гребаные снежинки! – зло прокричала Юко.

Лицо ее внезапно деформировалось и покрылось кровавыми подтеками, словно от сильного удара. Один глаз теперь бессмысленно тарачился в никуда, а другого не было вовсе – лишь пустая глазница. Вик ахнул и зажмурился. Когда он решил снова открыть глаза, артефакт уже исчез.

– Зафиксировано кошмарное сновидение, – слышалось в ухе.

– О чем ты, Мама? – не понял Вик, вытирая со лба испарину. – Я не спал. Я же не могу заснуть из-за тебя. Включи синий звук!

– Недоступно, – сообщила Мама.

– Какого черта! – закричал Вик. – Зачем ты это делаешь? Это ведь ты приучила меня ко всему этому! К этим... удобствам! А теперь... Чего ты хочешь, Мама?!

В комнате снова возник артефакт. Вик почувствовал, что с головы до пят покрывается мурашками. Девушка приблизилась и откинула вуаль – на этот раз у нее было морщинистое, подслеповатое лицо Сиды Сима.

– А как же естественный отбор?! – просипел он. – Как же «выживает сильнейший»?! Вы говорите, снежинки влюблены. Но кого может родить и воспитать такая «снежинка»?! Только еще большее ничтожество. Слабейшие не должны оставлять потомства!

Сид Сим презрительно сплюнул, после чего артефакт растаял в воздухе.

– Зафиксировано кошмарное сновидение, – сказала Мама, но в этот раз Вик не обратил внимания.

– Что же выходит? – растерянно пробормотал он. – Что и я сам – такая влюбленная снежинка?

Вспомнились вдруг слова, сказанные тем азиатом. «Не безответно – всегда есть взаимность».

Девушка-артефакт появилась в этот раз почти молниеносно. С усмевающимся, длинным лицом Тима.

– Какого бы пола *оно* ни было, но то, что к тебе *оно* неровно дышит – факт.

– Выходит, что Юко тоже влюблена в меня, – прошептал Вик, переставая замечать артефакт.

Тот, кажется, снова растворился в воздухе. А может быть, и нет. Не важно. Мысль о любви Юко придала Вику сил.

– Значит, испытываешь меня, Мама?! – воскликнул он. – Устраиваешь естественный отбор?! Выходит, ты у нас теперь сама Мать-природа?! Так послушай меня! Я пройду твой естественный отбор! И дети, которых мы вырастим с Юко, будут сильнее и лучше нас. А их дети – еще сильнее и луч-

ше. Люди изменятся! И мир изменится! Мир станет другим! Станет другим.

Часто дыша от возбуждения и повторяя шепотом «станет другим», Вик повернулся к окну и поднял голову, глядя на небо. Это было настоящее небо, а не та муть, которую они привыкли называть тем же словом. Пусть сейчас сплошь затянутое тучами, но все равно такое высокое, гордое... Неизменное. Пройдут годы, десятилетия, столетия, а оно будет таким же, как сейчас. И как сто, тысячу лет назад.

К удивлению Вика тучи вдруг рассеялись, словно по волшебству. Небо теперь было ослепительно-синим, чистым, без единого облака. Вик опустил глаза. Дыхание его перехватило – вместо привычных, растущих везде, будто грибы, небоскребов повсюду простирались сочно зеленые холмистые луга. Вдали на горизонте темной полоской начинался лес. Вик сумел разглядеть неспешно бредущего лося, который отсюда казался совсем маленьким. Размером с грецкий орех.

Вик распахнул окно, и его уши заполнились нежным птичьим щебетанием. От этого вдруг стало так хорошо и спокойно, что Вик блаженно зажмурился. Птицы! Они лучше людей. Сильнее, свободней и умеют летать. Вот если бы люди могли превратиться в птиц! Пускай через много тысяч лет! Хоть когда-нибудь!

Он вдруг резко открыл глаза, взволнованный промелькнувшей мыслью. Ведь это уже случилось! Уже прошли тыся-

чи лет! Потому и нет вокруг этих набивших оскомину небоскребов, байфонов, дронокамов, ботов, робоконов, вычетов и прочей дряни! Люди УЖЕ стали птицами! Одновременно со страхом и надеждой в глазах Вик медленно повернул голову и взглянул через плечо. Потом через другое. Выдохнул с облегчением и восхищением – могучие, красивые крылья были на своем месте. Гордо расправленные за его спиной. Бело-серые перья чуть колыхались от ветра, дующего из окна.

Крылья ждали полета.

Хотели полета.

Требовали его.

Этому невозможно было сопротивляться, а потому Вик, не колеблясь, взобрался на подоконник. Мельком отметил для себя странность, что в новом, лучшем мире еще остались какие-то подоконники и окна. Но тут же отмахнулся от глупой, ненужной мысли. Сложил крылья и камнем бросился вниз. Ветер, бешено дующий в лицо, заставлял щуриться, снежинки таяли на лбу и щеках – байполе, похоже, не справлялось. Снежинки? Байполе? О чем это он?! Не важно!

Резким, решительным движением Вик расправил крылья и полетел, издав радостный, победный клич.

НА МАРС!

Татьяна Кривецкая

В юности мечталось о дальних странах, о космических путешествиях. Была легка на подъём, любила переезды и перелёты. Моря и острова, леса и горы, старинные города-музеи и мегаполисы: Канберра, Дели, Мос Ква-чжень, Бер Линдун... Повидала многое!

А на старости лет уже ничего не хочется. Даже на раздаточный пункт за субпайком тяжело спуститься. Сижу у прозрачной стены и смотрю вниз, как там люди перемещаются вместе с движущимся тротуаром. Как будто муравьи приклеились к липкой ленте. Аэромобили пролетают мимо как майские жуки. От жуков, правда, больше шума.

Транслятор почти не включаю. Новости смотреть скучно. Ни конфликтов международных, ни природных катаклизмов. Тишь и благодать. Раньше, лет пятьдесят назад, снимали сериалы, а теперь сам себе можешь придумать сериал и себя же в главной роли снять, надо только программу настроить. А так в основном певцов показывают. Разные поп-группы. Но я их ни видеть, ни слышать не хочу. С тех пор как дочка вышла замуж за барабанщика-антарктидера и уехала с ним в Соединённые Штаты Антарктиды.

Отрада души – кот Алкид. Гипоаллергенный генномоди-

фицированный. Не линяет, не гадит и не ест. Питается солнечным светом с помощью фотосинтеза, только иногда надо его удобрять – опрыскивать комплексным раствором из баллончика. Шерсть зеленоватая, а так – кот как кот. Ласковый, томный, мягкий. Стоит такая порода очень дорого, но это подарок от дочки и зятя. Чтобы я не скучала в одиночестве.

Да я и не скучаю. Просто всё стало как-то безразлично. Жизнь движется к неизбежному концу, и ничего с этим не поделаешь. Глаза слепнут, кожа обвисла, зубы выпали, нос загнулся крючком. Давление скачет, суставы ломит, память подводит. Ждать больше нечего. Всё в прошлом.

Включу всё-таки транслятор, надо почту проверить. И правда, письмо! Но не от дочки. Кто же это вспомнил про старуху? Компания «Коперник». Ну-ка, посмотрим!

– Здорово, старая карга! – на экране – румяный молодец в шикарном костюме. – Что, песок ещё не весь высыпался?

Теперь так принято общаться. Раньше сказали бы: «уважаемая госпожа» или «дорогой товарищ», а теперь по-простому – «старая карга». Ну и правильно – к чему лицемерить.

– Не надоело быть отработанным материалом? Сидеть на субпайке? Нет ли желания потрудиться на благо общества? Тряхнуть, так сказать, стариной? Ха-ха!

Кроме желания нужны ещё и силы, сынок. А их-то и нет.

– «Коперник» предлагает тебе, бабка, выгодный контракт. Полное обновление организма и переселение на Марс. Все расходы за счёт компании. Ты ведь в прошлом горный инже-

нер, не так ли? Вот и займёшься разведкой полезных ископаемых. Как тебе такой поворот дела? Соглашайся, количество мест ограничено! Если согласна – жми «ОК». Уточнить условия – включи обратную связь.

Очень неожиданно. Неплохо бы, конечно, обновиться. Такая операция только миллиардерам доступна. Но и условия на Марсе не ахти. Яблони, как в старинной народной песне, там пока не цветут. Холодно, пыльно, атмосфера разреженная. И полёт только в одну сторону, пока космодром там не построят. Может быть, лет через пятьдесят. Поэтому молодёжь туда и не рвётся. И правильно, зачем посылать молодых, когда есть старики, которых можно подремонтировать, и уголовные преступники, которых не жалко.

Сила тяжести на Марсе в четыре раза меньше. Неплохо для больных суставов. Хотя их тоже, наверное, заменят. Надо уточнить условия...

...Не успела нажать «ОК», как уже подлетел аэромобиль. Стена раздвинулась, подали трап. С перилами, чтобы старушка не брякнулась случайно.

– Можно взять с собой кота? Спасибо!

Пища Алкиду не нужна, кошки – тоже. Не думаю, что он будет сильно страдать на Марсе. Надо предупредить дочь. Нет, уж лучше после операции. Чтобы не отговорила. Мы ещё успеем попрощаться.

В клинике полно таких же стариков. Все новобранцы, все

в приподнятом настроении. Чуть не подрались, выясняя, кому первому идти на тестирование. Вот тот дедок ничего себе. Когда помолодеет, будет первый парень в марсианской деревне.

Ремонт организма проходит быстро. Технология отработанная. Анестезиолог накачал своими препаратами, на конвейер положили и перемещают из операционной в операционную. Кроют, шьют, как в мастерской. Где лазером, где иглой, где молоточком. Не больно, но очень неприятно. Лица у хирургов бесстрастные, равнодушные. Кажется, им и самим всё это надоело, и они тоже готовы сменить обстановку и рвануть на Марс.

Ну, вот и всё. Я это или не я? От наркоза отошла, тело опухшее, всё болит. Медсестра-робот всадила что-то в вену, теперь надо отлежаться несколько дней, отоспаться. Дедок бывший громко стонет в соседней палате и просит водки. Не может потерпеть чуть-чуть! Одним словом – мужчина! Да уколите же вы его, наконец!

...Из зеркала на меня смотрит девушка лет двадцати. Улыбается. Вместо вставной челюсти – ровные белые зубки. Глаза ясные, очки больше не нужны. Волосы густые, длинные, ни одной сединки. Щёчки пухлые, правда, ещё бледные. Теперь – в спортзал, на тренажёры, накачать мышцы и – к полёту готова!..

Дочь звонит. Удивлена, конечно, моим преображением.

– Мама, какая ты красивая! Ты что с собой сделала? Откуда такие деньги?

Вру, что выиграла в лотерею. О том, что завербовалась на Марс, так и не смогла сказать. Ничего, будем общаться виртуально, как это и было последнее время.

За окном спортзала – парк. Пальмы, рододендроны. За парком – морской берег, пляж. Чайки кричат. Больше я этого не увижу. Никогда. Будет безжизненная пустыня, две луны в чёрном небе и маленькая голубая звёздочка вдали. Зачем мне этот Марс? В обновлённом теле столько энергии! Хочется бегать, плавать, ходить колесом!

Молодой человек на соседнем тренажёре, похоже, думает о том же. Крутит педали что есть сил, а взгляд сосредоточенный, мрачный. Это бывший дедок, зовут его Сяо Альберт. А что, если нам с ним сбежать отсюда?

Не получится. Контракт подписан, и никто нас не выпустит до самого старта. Все выходы перекрыты, кругом камеры слежения. Но что, если всё-таки попробовать? Попытка – не пытка. Не расстреляют же, в конце концов! Ведь столько деньжищ в нас вложено!

Делаю вид, что заело педаль тренажёра. Громко ругаюсь, чтобы сосед заметил. Замечает, подходит.

– Чем могу помочь?

– А не сделать ли нам ноги? – шепчу еле слышно, стараясь не шевелить губами.

Опускает голову, делает вид, что возится с педалью.

– Обсудим после ужина.

Ужин королевский. Шампанское, икра, устрицы. Обычные люди такого не едят. Решили подкормить, чтобы запомнили родную планету как следует. Зря они так. Улетать расхотелось окончательно. А до старта осталось всего три дня.

После ужина – танцы. Хотят нам всем настроение поднять перед полётом. Пригласили популярную группу «Маржа моржа» и певицу Креветку. Живой звук! Где это видано, где это слыхано!

Некоторые переделанные и впрямь веселятся. Пляшут от души, выкидывают друг перед другом невообразимые антраша. Кажется, омолодились не только телом, но и мозгами. По поведению – настоящие подростки: ни ума, ни логики. Чему радуетесь? В марсианской пыли так не затанцуешь!

Наконец-то медлячок! Сяо Альберт приглашает. Движемся с ним по краю площадки, в сторонке от толпы, чтобы никто не слышал нашего разговора. Хорошо бы пообщаться телепатически, но для этого нужна специальная настройка, опять же простым людям недоступная. Говорим как можно тише, он касается губами моих новых волос. Какое волнующее, сладкое, давно забытое чувство! К глазам подступают слёзы. Прекрасный, жестокий мир! Надо держаться, ведь серьёзное дело задумали!

– Подкоп под стену сделать нереально, – говорит мой партнёр. – И времени мало, и инструментов нет, да и обнаружат быстро. Охранников подкупить нечем. Может, через

канализацию?

О нет, только не это! Уж лучше на Марс!

– Тогда попробуем уйти по воде. Во время морского купания доплывём до буйков, поднырнём под ограждение – и вперёд! Подумают, что мы утонули, пока будут искать тела – мы уже будем далеко!

– Плыть под водой без аквалангов? Нас ведь просто подрихтовали, а не в амфибий превратили! На Марсе и морей-то нет!

На Марсе нет, зато на Земле – хоть отбавляй. Полярные шапки продолжают таять, если так и дальше пойдёт, то суши совсем не останется. Конечно, превращение планеты Земля в планету Вода ещё не скоро произойдёт, но готовиться надо. Вот и готовят таких же бывших старичков. Их отряд разместили в соседнем корпусе, с нами почти не общаются, хотя и не изолированы. Питаются отдельно, говорят, им там дают какой-то чудодейственный коктейль, который позволяет некоторое время дышать под водой. У них отдельный пляж, куда их водят строем под надзором инструкторов. Видимо, там и проводят эксперимент по подводному дыханию. Хлебнуть коктейля и уплыть – идея хорошая, но сомнительная.

– Это же не одну порцию надо выпить! Эти ихтиандры уже с полгода тут тренируются.

– А нам много и не надо, с полчаса продержаться – и достаточно! – Сяо Альберт готов рисковать, как и все мужики. – Уплывём вон за тот мыс – и поминай как звали!

– А потом что? Домой не вернёшься, найдут! В супермаркете не расплатишься – опять же обнаружат по отпечаткам пальцев, все же в базе!

Он смотрит на меня как на последнюю дуру. Мужики никогда не мыслят на шаг вперёд. Главное – бежать отсюда, а там видно будет.

– Будем пробираться в Чучхелию. Закрытая страна. Попросим политического убежища. Говорят, Ким Ем Сам беглых не выдаёт. Тем более хороших специалистов. У меня, например, тридцать лет полицейского стажа. А ты хороший специалист?

– Когда-то была ничего себе.

– Ты и сейчас ничего себе! – сделал комплимент. Похоже, я ему тоже нравлюсь.

– Но как же нам добыть этот чудо-эликсир?

– Ну, здесь нужна женская хитрость! Оглянись вокруг – эти ребята тоже пришли поразвлечься!

Действительно, пара-тройка земноводных печально стоит в сторонке. Их легко можно отличить по синеватой коже и редким волосам. Наверное, обновлённые старушки не хотят с ними танцевать. Эх, была не была! Следующий танец – белый...

...Марат (так зовут моего синеватого кавалера), испуганно озираясь, передаёт мне фляжку с коктейлем.

– Ради всего святого, будьте осторожны! Здесь кругом гла-

за и уши!

– Не волнуйся, – глажу его по чешуйчатой щеке. Мы стоим под цветущей магнолией, ветерок с моря треплет редкие волосинки на его голове. Марат смотрит на меня умоляющими собачьими глазами.

– Вечером на этом же месте.

Он уходит, обнадёженный. Бедный, бедный Марат! Стыдно динамить хороших парней. Увы, вечером я уже буду далеко.

Алкида придётся оставить. Он даже в ванне мыться отказывался, не то чтобы нырять. Всё-таки он кот, хотя и генномодифицированный. Тяжело расставаться, но что поделаешь! Будет жить при пансионате, здесь его никто не обидит. Садовники при необходимости обеспечат селитрой и суперфосфатом. В местном парке и белочки есть, и павлины. Есть и столовские коты, может быть, мой Алкид подружится с ними...

...Коктейль принимаю в кабинке для переодевания. Ну и дрянь! По вкусу напоминает рыбий жир, смешанный с яичным шампунем. Из рта сразу пузыри пошли. Прикрылась полотенцем, чтобы никто не заметил.

Альберт ждёт у кабинки.

– Ну, как?

Сказать ничего не могу, бесовское пойло клопочет в глотке. Молча передаю фляжку. Из-за стен кабинки слышно, как

он давится коктейлем.

Выходит с выпученными глазами, еле сдерживается, чтобы не срыгнуть. Взявшись за руки, заходим в воду. Слава богу, море слегка штормит. Переделанная молодёжь само-забвенно кувыркается в волнах. В такой кутерьме легче за-теряться.

Дождавшись волны, дружно ныряем под гребень. Чу-до-коктейль и впрямь действует! Как будто маленький на-сос перекачивает воздух из желудка в трахею. Страх, охва-тивший в первые мгновения, проходит. Наступает эйфория. Чувствую себя дельфином.

Заградительная сетка почти до самого дна. Чтобы под-лезть, приходится рыть песок. Снова охватывает страх – вдруг действие препарата кончится! Стараемся изо всех сил. Наконец Сяо протискивается под сетку сам и помогает про-лезть мне. Ура! Свобода!

Пузыри от радости фонтаном вылетают изо рта. Уплыва-ем, обгоняя удивлённых рыб. Скорее, скорее! Вот и она – спасительная скала!

Волна выносит нас на пустынный берег. Долго откашли-ваемся и отплёвываемся. Теперь надо отсидеться где-нибудь до темноты и подумать, что делать дальше...

...Мы в заброшенной рыбацкой хижине. Рыбу уже давно никто не ловит, разводят искусственно, так выгоднее. В хи-жине остались снасти и кое-какая одежонка, на полочке – спички, соль, крупа почерневшая, похоже, перловка, жестя-

ная коробка с рафинадом и чай. Котелок, чайник, эмалированные кружки. Как будто специально для нас приготовлено. Есть, есть высшая сила! Альберт собирает вокруг хижины сухой плавник и разводит огонь в маленькой железной печке. Поблизости протекает ручеёк, набираем воды и устраиваем чаепитие.

Наступает вечер. Облака рассеялись, небо ясное, звёзды зажглись.

– Вон он, Марс! – дрожащим голосом говорит Сяо Альберт.

Мы бросаемся друг другу в объятия.

Земля! Мой дом! Я люблю тебя! Люблю этот воздух, шум моря, заросли орешника, пульсирующие огоньки светлячков... Счастье, давно потерянное, ты снова со мной!

...Мы лежим, укрывшись ветхим лоскутным одеялом, смотрим в открытую дверь хижины и строим планы на завтра.

– Пойдём в порт, найдём чучхелийское судно, прикинемся политическими. Всё получится, вот увидишь!

Волны с тихим шумом накатывают на берег, я засыпаю...

... – Вот они, голубчики! – слышится сквозь дрему чейто резкий голос. – Эх вы, горе-беглецы! Прежде чем бежать, надо было от чипов избавиться!

...Чипировали нас, оказывается, во время переделки. Я и не заметила, даже и не знаю, куда они мне этот чип вставили.

вили. Алик пытался протестовать, кричал, что не соглашался на такое. Его скрутили и надавали дубинкой, так, для острастки, слегка, чтобы не повредить. Когда доставили нас полицейским аэромобилем обратно, показали подписанный нами договор. Действительно, мелким шрифтом – отдельный пункт о чипировании.

Так что придётся осваивать Марс. Ну что ж, кто-то ведь должен быть первым. Точнее, одним из первых. Психолог успокоил, объяснил, что условия на красной планете очень приличные, построено уже два поселения под куполами, строится третье. Отдельные комнаты 3x5 с удобствами. Есть там и бассейн, и оранжерея, и кинотеатр, старые фильмы можно посмотреть. Связь с Землёй – по графику, два раза в неделю. Взять kota – пожалуйста! Вкололи что-то...

...В нашем корабле сорок мест. Двадцать восемь переделанных старпёров, остальные – каторжники. Девять человек из переделанных будут на Марсе полицейскими, в том числе и Алик. В форме он просто красавец! Нет, всё не так уж и плохо!

Степь вокруг космодрома дышит зноем. Нагретая солнцем трава пахнет невыразимой тоской. Последний взгляд на родную землю, последний глоток земного воздуха... Земля, прощай! В добрый путь!

СЕЛЕКЦИЯ

Юрий Лантан

В просторном кабинете, наполненном ярким светом, тихо играла классическая музыка и пахло лавандой. По мнению Кураторов, цветочные ароматы, как и звуки оркестра приводили в гармонию душевное состояние граждан, но Герман вот уже которую неделю тошнило от приторного духа, а от пиликанья скрипок и фортепиано раскалывалась голова. Он работал в организации, где с навязчивой предупредительностью следили за соблюдением базовых принципов Селекции. Создание трудовой атмосферы, наполненной музыкой и ароматами, было одним из таких условий, и Герман удивлялся, почему раньше они его не раздражали?

– Боюсь, в этом году вы не прошли Диагностику, – вкрадчивый голос Куратора отвлек от размышлений.

Герман перевел взгляд со своих давно не чищенных ботинок на собеседника. Напротив него за широким столом сидел подтянутый мужчина с зачесанными назад седыми волосами и лицом, которое, казалось, светилось изнутри благодушием и участием. Но Герману хотелось вскочить и разбить в кровь эту фальшивую морду. Он сжал кулаки – так, что побелели костяшки, и едва сдержался, чтобы не наброситься на Куратора. Интересно, слышал ли он, как скрипнули зубы Герма-

на?

– Результаты видеонаблюдения и психологического тестирования, а также анализ вашего гормонального фона и мозговой активности показали, что вы находитесь на грани агрессивного поведения, – доверительным тоном продолжал Куратор, поглядывая на встроенный в столешницу дисплей, куда выводилась информация о пройденной Германом Диагностике.

– Я такого за собой не замечал, – стараясь скрыть раздражение в голосе, буркнул Герман. Он знал, к чему клонил Куратор, но признать себя агрессором значило расписаться в собственной непригодности для этого мира.

Куратор улыбнулся уголком губ и, сложив ухоженные ладони на столе, вкрадчиво заглянул в глаза Герману. Взгляд мужчины был ледяным и тусклым, как и свет, лившийся из широкого окна за его спиной. Герман поежился и вновь удивился: почему он не замечал раньше, насколько холоден и неуютен их идеальный мир?

– Герман, посмотрите на себя, – проговорил Куратор. – За последние полгода вы стали носить одежду в темных тонах. В вашей речи появилось больше негативных слов.

– Нет, это не так, – попытался возразить Герман, но тут же осекся, поймав многозначительный взгляд собеседника: Куратор блистал в безупречно выглаженной нежно-голубой рубашке и светлом костюме, Герман же притащился на беседу в темно-серой застиранной футболке и черных джинсах.

– Я закрывал на это глаза и вел дальнейшее наблюдение, – оценив замешательство Германа, с самодовольной улыбкой продолжил Куратор. – В конце концов, выбор гардероба и речевые особенности граждан являются лишь косвенными критериями Селекции. Куда более серьезными оказались отклонения в ежегодной Диагностике: у вас значительно повысился уровень гормонов стресса, а при сканировании мозга я обнаружил критическую активизацию зон, отвечающих за агрессивное поведение. Я уже молчу про чудовищные результаты психологического тестирования.

Герман сглотнул горькую слюну, руки его похолодели, а в груди противно заныло: слова Куратора означали, что он являлся неприемлемым сбоем в программе Селекции.

– Герман, вы находитесь на грани срыва. Уровень вашей агрессии таков, что вы становитесь потенциально опасным для общества. Как вы понимаете, Селекция не может такого допустить. И прежде, чем мы перейдем к решению проблемы, я хочу узнать, что могло стать причиной вашего раздражения?

– Наверное, маленькая зарплата, – огрызнулся Герман.

Куратор приподнял бровь и сухо возразил:

– Ваша должность – одна из самых высокооплачиваемых в обществе.

Это было правдой, и Герман горько усмехнулся: похоже, Куратор даже не уловил сарказма в его словах. Впрочем, настоящая ирония заключалась в том, что сам Герман едва ли

понимал причины тоски, раздражения и тихого гнева, омрачавших его существование в последние месяцы. Ему казалось, будто на белоснежную, без единой складки простыню его жизни кто-то капнул чернил, и с каждым днем пятно из тревоги и злости расширялось в размерах, поглощая собою все то, что раньше приносило удовольствие и радость. Безмятежное существование осталось в прошлом, и теперь каждый поступок Германа вызывал в нем волну сомнений и внутреннего протеста. В его работе, которая еще недавно служила для него образцом важного для общества дела, было что-то неправильное, что-то гнилое и низкое, и осознание этого факта отравляло Герману жизнь.

Куратор подался вперед и вкрадчиво сказал:

– Я хочу, чтобы вы поняли простую вещь, Герман. Вы – один из нас, результат многолетней Селекции. И я, будучи вашим Куратором, не могу позволить, чтобы труды сотен гениальных врачей и ученых оказались напрасными. Вам ли этого не понимать? Селекция безупречна, но иногда в ней могут случаться сбои. Любой из них поправим.

Германа раздражал этот разговор: зачем ходить вокруг да около, когда и так понятно, на что намекал Куратор?

– Мне предстоит пройти Коррекцию, – кивнул Герман.

– Я рад, что у нас возникло взаимопонимание по этому вопросу. – Куратор расплылся в притворной улыбке и откинулся на спинку стула, не сводя с Германа холодных глаз. – Коррекция поможет вам вернуться в былое состояние гармо-

нии и умиротворения. Вы снова почувствуете радость и вкус жизни – все то, ради чего мы пришли в этот мир благодаря Селекции.

– А если я откажусь?

Куратор развел руками и состроил скорбную гримасу:

– Тогда вас ждет полное Стирание.

* * *

Коррекционный центр «Атараксия» располагался в живописной долине в ста километрах от города, вдали от его шума и суеты. Перед Германом предстали двухэтажные жилые и лечебные корпуса из светлого камня, залитые солнцем площадки для медитации, тихие аллеи и сверкающее синей гладью озеро – казалось, сама обстановка в клинике способствовала скорейшему выздоровлению.

– Вы проведете здесь месяц, – сообщил Корректор, когда Герман, разложив вещи в своем номере, встретился с ним для беседы.

Они шли вдоль раскидистых сосен по тропинке, посыпанной мягкими опилками; сквозь листву пробивались косые лучи солнца, а воздух благоухал разнотравьем. Но несмотря на безмятежную атмосферу, внутри Германа растекалась черная клякса тоски. Он глянул на Корректора, бодро шагавшего рядом. Это был невысокий мужчина с аккуратными усиками и бородкой, с прищуренным взглядом и легкой

улыбкой, которая будто навечно застыла на его благодушном лице. Герман ожидал, что сотрудники «Атараксии» встретят его в медицинских робах, но Корректор, как и его коллеги, носил льняные брюки и светлую рубашку-поло.

– Я вернусь обратно здоровым? – осторожно спросил Герман, когда впереди показалась их цель – лечебный корпус, окруженный высокими конусами кипарисов.

– Безусловно! – Корректор ободряюще похлопал Германа по плечу. – У нас большой процент полного выздоровления, и другие центры Коррекции берут наши методы на вооружение. Вы пройдете несколько сеансов электрической стимуляции мозга, а также специальные курсы гормональной и психологической терапии. Все самые последние достижения науки служат у нас во благо Селекции!

Они подошли к раздвижным дверям корпуса, куда не спеша стекались другие обитатели «Атараксии». Герман с удивлением отметил, насколько разительно отличались их физиономии от лиц людей, которых он привык видеть в городе: нахмуренные брови, тяжелые взгляды, сжатые в нить губы. Неужели и он последние недели ходил с такой же угрюмой миной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.